

РИНА РОФИ

И ИМЯ ЕМУ
СМЕРТЬ

Рина Рофи

И имя ему Смерть

<https://litres.ru/74549799>

Аннотация

Бывает любовь, которая возносит в небо, а бывает та, что ломает и перекраивает тебя по новой. Я сначала не поняла, что это она, а когда поняла - стало поздно...Он пробрался под кожу, в самое сердце, а потом....

Но это было потом, а сейчас я та, кого купил сама Смерть, сам Всадник.

" — Ох... Если выяснят — отправят к какому-нибудь князю или генералу. Или к кому еще похуже. — А кто хуже князей в Аду? — не удержалась я. Лия напряглась, понизив голос до шепота: — Всадники. Апокалипсиса. Или просто Владыки. Их мало, они выше любой иерархии. У каждого — свои земли, свои... забавы. — Мы как раз мимо земель одного из них проезжать будем... — добавила она, глядя в щель между досками. — Черного. "

Что ждет:

- откровенно - фантастическое представление Ада и его иерархии - местами жестко - главный герой - Всадник Апокалипсиса - главная героиня - Вечная - герой поступает в силу своих привычек, своего вида. - от ненависти до любви - сильная духом героиня - властный герой - принуждение -

всадники Апокалипсиса - сложные отношения, эмоциональный накал

НАЧАЛА ВЫПУСК КНИГИ ПРО АТРАСА (Голода): Буду рада, если присоединитесь к чтению) Книга пока бесплатная)

Содержание

Глава 1. Зверушка	5
Глава 2. Малах	20
Глава 3. Наказание	34
Глава 4. Боль	42
Глава 5. Прибытие	45
Глава 6. Первый день в крепости	49
Глава 7. Подготовка	60
Глава 8. Урок первый	68
Глава 9. Ловушка?	81
Глава 10. Цена	85
Глава 11. Обучение	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1. Зверушка

Никогда не думала, что такое может случиться. Но это случилось.

Меня похитили. И не кто-нибудь, а какие-то чудовища, напоминающие демонов с обложек дешевых романов, от которых пахло серой и кровью.

Меня зовут Эльвира. Ну, или просто Эль. И да, я не совсем человек, но им об этом знать не нужно... Я – вечная. Существо, чувствующее артефакты и их зов. Жила себе спокойно на Земле, никого не трогала, коллекционировала безделушки с историей. И вот...

— Грузим в телеги! Гор! Этих, что покрасивше, отдельно. Повезем на невольничий рынок в Нижний Город!

— Да, командир.

Демон с кожей цвета засохшей крови, похожий на громилу из типичных боевиков, больно сжал мне руку, заталкивая в телегу с деревянными решетками.

— Отпустите! Это какая-то ошибка! Я просто человек!

— Замолчи, низшая! — его дыхание, пахнущее гнилым мясом, обожгло щеку. — Будешь вякать — отдам первому

попавшемуся солдату. Раздерет тебя только так, на потеху всей роте.

Я замолчала, сглотнув ком отчаяния. Кажется, мне конец.

Со мной в телеге было еще три девушки. Все жались в угол, подальше от цепких лап демонов-конвоиров. Телеги, скрипя колесами, тронулись в путь по выжженной равнине. Руки были связаны за спиной грубой веревкой, впивающейся в кожу.

— Кто-нибудь знает, что здесь происходит? — прошептала я, глядя на своих спутниц.

Те только испуганно сжались. Одна, с разбитой губой, посмотрела на меня пустыми глазами:

— Везут как рабынь... Продать на рынке... Если, конечно, довезут до рынка и сами не воспользуются, или на нас не нападут по дороге...

Я сглотнула. Оба варианта были так себе.

— А вы кто будете? Люди? — спросила я тише.

Одна, хрупкая блондинка, кивнула, всхлипывая:

— Я Мари... Похитили у озера в моем мире, когда белье полоскала...

Вторая, бледная, с острыми чертами лица и странным блеском в глазах, сказала:

— Я Лия. Вампир из клана Белой Ночи. А ты кто будешь? Смотрю, понимаешь речь демонов.

Я на мгновение заколебалась, но что было скрывать теперь?

— Я Эль. Сенсетив. Артефакторка. Проще говоря... вечная.

Лия свистнула, и в ее глазах мелькнула то ли жалость, то ли ужас.

— Ох... Если выяснят — отправят к какому-нибудь князю или генералу. Или к кому еще похуже.

— А кто хуже князей в Аду? — не удержалась я.

Лия напряглась, понизив голос до шепота:

— Всадники. Апокалипсиса. Или просто Владыки. Их мало, они выше любой иерархии. У каждого — свои земли, свои... забавы.

— Мы как раз мимо земель одного из них проезжать будем... — добавила она, глядя в щель между досками. — Черного. Говорят, он...

Мари всхлипнула громче.

— Надо бежать...

— Да как сбежишь? Вокруг солдаты, степи, чужие земли. Это тебе не курорт. Молись, чтобы на ближайшем привале тебя не изнасиловали или не пустили по кругу... Они это любят, — безжалостно резюмировала Лия.

Мы ехали, казалось, вечность. Солнце, похожее на мутный желтый глаз, клонилось к горизонту, окрашивая мир в багровые тона. Вдруг рядом раздался оглушительный топот десятков копыт, и караван резко остановился.

— Стой, Херк! Что везешь в повозках? — прогремел низкий, холодный голос, от которого по спине пробежали мурашки.

— Всего лишь рабов, господин! На рынок! — залебезил командир, которого, видимо, и звали Херком.

— Ну все, нам конец, — простонала Лия, закрывая лицо руками.

— Тшш... Может, пронесет, — безнадежно прошептала я.

— Почему без предупреждения по моим землям? Пропуск? Мне как расценивать вашу выходку? — голос звучал все ближе.

— Простите, повелитель! Пропуск... не успели получить. Через Луну должен был быть, но рабов кормить надо... Быстрее продать хотел, выручить деньги...

— Еда есть?

— Да, мой господин!

— Накорми мою гвардию. Мы на обходе.

— Да, конечно, господин! Гор, разбивай лагерь!

Мы сжались в комок страха в глубине телеги.

— Покажи товар. Может, возьму кого для развлечения, — сказал тот самый голос, и в его интонации не было ни любопытства, лишь скучающая формальность.

Херк подбежал к нашей повозке, откинул полог и, не глядя, вытащил за руку Лию.

— Господин, вот, хороший товар. Вампирша, молодая.

— Не люблю вампиров. Следующая.

Херк полез в повозку. Его рука с жилистыми пальцами

сомкнулась на моем плече.

— Не трогай меня, демон! — вырвалось у меня и я со всей силы пнула его ногой по морде.

— Ах ты дрянь! — взревел Херк, хватая меня за волосы и вытаскивая из телеги. Боль пронзила кожу головы. Он поставил меня на колени перед... перед тем, кому принадлежал голос.

Передо мной стоял высокий мужчина в черных, словно воронье крыло, латах. Атлетичное телосложение, лицо... невероятно красивое и абсолютно бесстрастное, будто высеченное из мрамора. Его волосы были белыми, как первый снег. Но глаза... Холодные, белые, без зрачков, как у хищной птицы. Он молча смотрел на меня, скрестив руки на груди.

— Господин, вот... брыкается. Человечка, — выдохнул Херк, все еще держа меня за волосы.

— Не человека это, Херк, — произнес Владыка, и его белый взгляд скользнул по мне, будто ощупывая. — Беру. Фигура ничего, лицо тоже. В мой шатер ее.

Он смерил меня взглядом: золотые кудрявые волосы, грязные от дорожной пыли, голубые глаза, полные ужаса и ярости. Ростом я была невелика, но фигурой природа не обделила даже без дурацких корсетов.

— Не пойду! Отпусти! — вырвалось у меня с последней

отчаянной дерзостью.

Херк, не отпуская волос, поволок меня к огромному шатру из черной кожи, который уже успели поставить солдаты в черных доспехах — гвардия Владыки.

— Пусти! Я тебя убью! Не трогай меня! — я билась и вырывалась, но его хватка была железной.

Владыка шел сзади, неспешно. Его присутствие давило, как физическая тяжесть.

— Молчи, тварь! Тебя купил хозяин! — рявкнул Херк, втаскивая меня в прохладную полутьму шатра.

— Он мне не хозяин! — крикнула я и, собрав последние силы, рванулась, нанося Херку точный удар коленом между ног.

Тот согнулся с хриплым стоном, выпуская мои волосы. На его лице отразилась чистая ярость, и он потянулся за мечом.

Мой новоявленный хозяин лишь тихо хмыкнул. Он бросил Херку на землю тяжелый, звенящий мешок.

— Спасибо, господин! Всегда рад сотрудничеству!

— Сокройся, Херк.

Когда демон, ковыляя, скрылся, в шатре воцарилась тишина. Я отползла в дальний угол, натываясь на ковры и низкий столик, вжалась в столб, поддерживающий полог.

— Не тронь меня!

— Понимаешь наш язык. Хорошо, — его голос был спокоен, как поверхность мертвого озера.

Он снял плащ и медленно подошел ближе. Белые глаза не отрывались от меня. Его рука потянулась к вырезу моей простой льняной кофты. Я отпрянула, ударившись спиной о столб.

— А вот этого не надо, — в его голосе впервые прозвучала легкая, леденящая душу нотка недовольства. — Не люблю, когда моя собственность ведет себя как ей заблагорассудится.

— Я не твоя собственность!

— Ошибаешься. Я заплатил. Теперь ты моя зверушка. И приятно знать, что заплатил меньше, чем стоишь. Херк явно не понял, что ты — вечная.

Я сглотнула. Он знал. Значит, вариантов стало еще меньше.

Он подошел вплотную. От него пахло холодным ветром, металлом и чем-то древним, непознаваемым. Его рука властно схватила меня за горло, не сдавливая, но ясно давая понять, кто здесь хозяин положения. Его прикосновение было ледяным.

— На колени.

Я замотала головой, пытаясь вырваться. Он не стал тра-

тить время на уговоры. Одним сильным движением поставил меня на колени. Ковер грубо впился в кожу.

Я сжала челюсти, глядя на него снизу вверх. В его белых глазах не было ни злобы, ни похоти. Была лишь холодная решимость сломить.

— Будешь сосать.

— Нет! — прошипела я.

Он мгновенно схватил меня за челюсть, его пальцы впелись в кожу, заставляя разомкнуть зубы.

— Только посмей укусить. Голову снесу тут же. Поняла? И всех тех девчонок в повозке по кругу пущу. Посмотрим, на каком из моих солдат они сломаются.

В его голосе не было угрозы. Была констатация факта. И я поверила. Поверила, что для него это — проще, чем прихлопнуть назойливое насекомое. Ради Мари и Лии... Ради еще одного дня, еще одного шанса...

Я сглотнула, чувствуя, как по щекам текут предательские слезы унижения и бессилия. Он расстегнул ширинку на своих штанах.

— Я жду.

Дрожащими руками я обхватила его. Он был уже возбужден. Провела языком по чувствительной коже, стараясь не думать о том, что делаю. Вкус соли и чистоты, парадоксаль-

но не сочетающийся с происходящим.

Он резко положил тяжелую ладонь на мою голову, сомкнул пальцы в волосах и начал сам задавать ритм, глубоко и властно.

— Учись, зверушка. Ублажать хозяина твоя единственная функция сейчас.

Я пыталась не давиться, слепо следуя его движениям. Его член, огромный и твердый, заполнял весь рот, касаясь горла. Слезы текли из глаз, смешиваясь со слюной. Я чувствовала себя орудием, вещью. И самое страшное было в том, что для него я именно ею и была.

Он дышал ровно, лишь слегка участившись, наблюдая за мной сверху своими леденящими белыми глазами. В этом взгляде не было наслаждения. Была оценка. Оценка новой собственности.

Он двигал моей головой все быстрее, его хватка становилась жестче. В шатре стояли только приглушенные звуки, его ровное дыхание и мое подавленное похныкивание.

Я закрыла глаза, пытаясь отстраниться, уйти в себя, в темноту за веками. Но его холодная рука в моих волосах, его твердость во рту, его властное присутствие возвращали меня с жестокой реальности каждую секунду.

«Я выживу, — стучала в висках единственная мысль сквозь унижение. — Я вечная. Я переживу и это. И тогда... Тогда я найду способ. Найду артефакт, слабость, что угодно.

Но он заплатит».

Но эти мысли были слабым огоньком в крошечной тьме происходящего. Пока что я была лишь его зверушкой. И урок только начинался.

Он двигал моей головой все быстрее, его хватка в волосах стала почти болезненной. Я уже почти не могла дышать, захлебываясь им, слепыми слезами и собственным унижением. Внезапно его движения стали резче, порывистее. Он глубоко и властно запрокинул мою голову, рыкнув низко, почти по-звериному, и на последнем толчке вогнал себя в самое горло, заставив меня подавиться.

Кончил он молча, но я почувствовала всё — пульсацию, тепло, горьковатый вкус, заполнивший рот. Он не отпускал меня еще несколько секунд, держа за волосы, давая осознать всю глубину моего положения.

— Глотай, — прозвучал сверху тот же бесстрастный, командный тон.

Я, давась и кашляя, послушно сглотнула. Едкий вкус смешался со вкусом слез. Я чувствовала себя оскверненной до самой глубины души.

Он наконец отпустил мои волосы, и я чуть не упала вперед, оперевшись на ладони, отчаянно пытаюсь отдышаться, слюна и остатки его семени стекали с моего подбородка.

— Вот так, молодец. Хорошо справилась для первого раза, — прозвучала его оценка, холодная и деловая, как отзыв о новом инструменте.

Он прошел мимо меня к низкому столику, где уже стояли еда и вино, спокойно застегивая ширинку. Его движения были точными и лишенными всяких эмоций.

— Садись. Поешь. Следующий привал будет через двадцать земных часов. Тебе понадобятся силы.

Я сидела на коленях, уставившись в узор ковра. Весь мир сузился до липкого ощущения во рту и ледящего стыда в груди. Я была пустой оболочкой.

— Я сказал — ешь, — его голос понизился на полтона, и в нем впервые прозвучала опасная сталь. — Или я возьму виноград и сам затолкаю тебе в горло. Выбирай.

Я сглотнула, пытаюсь прогнать ком в горле, и поплелась к столу, чувствуя, как подкашиваются ноги. Я опустилась на подушку напротив него, не поднимая глаз.

— Запомни раз и навсегда, — он отпил из кубка, глядя на меня поверх края. — Будешь хорошо себя вести — будешь хорошо жить. Будешь сопротивляться — получишь наказание. За непослушание — тоже. Моя вещь должна слушаться. Уяснила?

А что я могла сказать? Любой протест был бесполезен и опасен для других. Я коротко кивнула, уставившись в тарелку с каким-то мясом и фруктами.

— Хорошо. Как зовут?

— Эль, — выдохнула я.

— Коротко. Хорошо. Имя оставим. Что умеешь делать, кроме этого? — он махнул рукой в сторону того места, где только что произошло кошмарное действо. — С мужчинами была?

Вопрос застал врасплох. Я вздрогнула, и по щекам разлился предательский румянец. За свою долгую жизнь я много чего видела, но близость... настоящая близость всегда казалась слишком рискованной, слишком открытой. Моя вечность была моим самым страшным секретом и самым большим одиночеством.

— О-о-о, — протянул он, и в его голосе впервые прозвучало что-то, отдаленно напоминающее интерес. Его белые глаза внимательнее смерили меня. — Так ты еще и девственница. Получается, твой ротик сегодня лишился твоей первой невинности.

Он усмехнулся. Звук был тихим и безрадостным.

— Ну ладно. Не переживай. Трахать тебя в дороге не буду. Негигиенично это, да и возни много.

Он сказал это так, будто обсуждал логистику перевозки хрупкого груза. Меня от его слов бросило то в жар, то в холод. С одной стороны — облегчение. С другой — леденящее понимание, что это лишь отсрочка. Что «негигиенично» и «много возни» — единственные причины, по которым он не берет меня здесь и сейчас.

— Ешь, — повторил он уже без угрозы, просто как констатацию. — Потом спать. Ты будешь отдыхать в моем шат-

ре. На привязи.

Я послушно взяла в руки что-то, напоминающее лепешку, и отломила кусок. Еда была безвкусной, как пепел. Но я жевала и глотала, потому что он приказал. Потому что нужно было выжить. Потому что где-то там, в черной телеге, были Мари и Лия, и мое послушание, возможно, все еще как-то прикрывало их.

Он наблюдал за мной тем же оценивающим, бесстрастным взглядом, попивая вино. В его белых глазах отражалось пламя факелв, но не отражалось ничего человеческого.

А в моей голове, под покровом шока и стыда, уже начинала копошиться первая, робкая и ядовитая мысль: «Ты считаешь меня вещью, Владыка? Вещью, которую нельзя испортить? Ошибка. Самую опасную вещь в своих владениях ты только что приобрел. И я дождусь своего часа».

Но пока что я была просто Эль. Его зверушка. Связанная, униженная, но не сломленная. Не до конца.

Он откинулся на подушки, закончив трапезу.

— Ложись у ног. На вот, — он бросил мне клубок тонкой, но невероятно прочной серебристой цепи. — Обвяжи вокруг лодыжки. Второй конец пристегнешь к кольцу на ножке кровати. Если утром найду цепь не на тебе или разомкнутой... поверь, ты не хочешь знать, что будет.

Я, не глядя на него, выполнила приказ. Холод металла прижался к коже, звеня при каждом движении. Я легла на

ковер у его ложа, свернувшись калачиком. Цепь позволяла лишь немного двигаться.

Он потушил факел. В темноте его голос прозвучал совсем близко:

— Спи, зверушка. Завтра будет новый день. И новые правила.

Я закрыла глаза, прижимаясь щекой к грубому ворсу ковра. Снаружи доносился лязг оружия, шаги патрулей, ржание коней. Я была в самом сердце вражеского стана. На цепи у самого Владыки, но в груди, под грузом унижения, тлела искра. Искра ненависти. И надежды. Я была вечной. А у вечности, в отличие от людей, есть одно преимущество — мы умеем ждать.

Глава 2. Малах

Я проснулась рано. Если честно, практически не спала, проваливаясь в короткие, прерывистые кошмары, где задыхалась и не могла пошевелиться. Его уже не было в шатре. На месте его лежа лежала лишь смятая ткань. Снаружи, за толстыми стенами черной кожи, звучали резкие команды, ржание лошадей и... крики. То ли от боли, то ли от ярости. К кому я попала? Кто он на самом деле, этот Владыка с ледяными глазами? Выяснить это было так же необходимо, как и найти способ бежать. Одно без другого не имело смысла.

Я огляделась. В утреннем свете, пробивавшемся сквозь щели, шатер казался еще больше и пустыннее. Мой взгляд упал на низкий столик, где вечером стояла еда. Теперь там лежал лишь поднос, кувшин и... небольшой затупленный ножик для нарезания фруктов. Оружие никудышное, но лучше, чем ничего.

Я быстро отстегнула холодное кольцо цепи от лодыжки — к удивлению, замок поддался легко, словно он и не был заперт по-настоящему. Или он был уверен, что мне некуда бежать? Прислушиваясь к шуму снаружи, я крадучись подошла к столу и сунула нож за пояс, под растянутый подол кофты. Лезвие холодно прижалось к бедру.

Подойдя к выходу, я замерла, прислушиваясь.

— Херк! Где еда для моих солдат? — прозвучал тот са-

мый, уже знакомый холодный голос Владыки где-то совсем рядом.

— Да-да, владыка, сейчас принесут! — тут же залебезил в ответ Херк.

Рядом раздавался злобный лай сторожевых гончих, от которого кровь стыла в жилах. Я осторожно приподняла край полога, чтобы выглянуть. В этот момент полог с другой стороны резко откинулся, и внутрь шатра, пропуская сноп утреннего света, вошел другой демон. Не такой массивный, как Херк, но с хитрым, жадным взглядом. Он сразу же уставился на меня.

— М-м-м, какая красотка проснулась... — он осклабился, обнажив желтые клыки. — Отсосешь, пока хозяина нет? Разомнешься для него.

Я отпрянула, нащупывая рукоять ножа за поясом.

— Я не отсасываю! Я собственность Владыки! — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ой, да перестань, — демон сделал шаг ко мне. — Уверен, он не будет против. Ты — вещь. А вещью могут пользоваться приближенные. Он часто делится с нами трофеями.

— Не подходи!

— Ой, как брыкаешься! — он рассмеялся, и в его смехе не было ничего веселого. — И на лицо красивая. Хотя, не

в лице дело... Рачком нагну и возьму прямо сейчас. Ничего страшного.

Он начал расстегивать пуговицы на своих грубых штанах. Я отскочила к центру шатра, сердце бешено колотилось.

— Только попробуй — зарежу! — сорвалось у меня, и я выхватила нож, приняв неуверенную оборонительную стойку.

Демон рассмеялся еще громче.

— С ножиком! Давай, попробуй, милашка!

Он попытался схватить меня за руку. Я отпрыгнула в сторону, как научилась за долгие века скитаний по опасным мирам, проклятым гробницам и темным пещерам. Тело ныло от вчерашнего унижения и неудобной позы, но мышцы помнили. Я была не слаба — века выживания закалили не только дух. Но против демона в его родной стихии... Шансов было мало.

Демон наступил снова, на этот раз решительнее. Я замахнулась ножом, он ловко парировал удар тыльной стороной ладони, и лезвие со звоном отлетело в сторону. Он уже тянулся ко мне, чтобы схватить за горло, когда полог шатра снова дрогнул.

Внутри, заслонив собой свет, вошел Он.

— Ферг, — голос Владыки прозвучал тихо, но демон замер на месте, будто вкопанный. — Не смей.

— Повелитель, я просто... подумал, раз она ваша, я тоже

могу... попробовать, — забормотал Ферг, резко отпрянув от меня и выпрямляясь по струнке.

— Пробовать шлюх в трактире будешь. Эта — моя. Лично моя. — Каждое слово было отчеканено из льда. — Еще раз повторить нужно?

— Нет-нет, повелитель! Ухожу! Простите!

Демон, не поднимая глаз, выскочил из шатра, словно его подожгли. Я осталась стоять посередине, дрожа от адреналина и унижения, глядя на лежащий в стороне жалкий ножик. А затем медленно перевела взгляд на Владыку.

Он стоял на пороге, в полных черных доспехах, уже готовый к дороге. Его белые глаза без выражения скользнули с моего бледного лица на нож, а затем снова вернулись ко мне.

— На демона. С ножом для фруктов, — произнес он. В его голосе не было ни гнева, ни насмешки. Была лишь констатация абсурдности ситуации.

Я сглотнула, не в силах ничего сказать. А он... усмехнулся. Легко, беззвучно. Уголок его рта дрогнул на миллиметр.

— Смелая. Или глупая. — Он сделал шаг внутрь. — Цепь отстегнула сама. Интересно. Значит, замки понимаешь. Или просто везучая. — Он подошел ближе, и я невольно отступила. — Но если ты думаешь, что я держу тебе на цепи, чтобы ты не сбежала... ты ошибаешься.

Он наклонился, поднял нож для фруктов с пола, осмотрел его и бросил обратно на стол.

— Цепь — для твоей же безопасности. От таких, как Ферг. И чтобы ты не натворила глупостей вроде нападения на кого-то с этим, — он кивнул на нож. — В моем лагере порядок. Моя собственность — неприкосновенна. Пока я не решу иначе. Поняла?

Я молча кивнула. Это была новая информация. Неприкосновенность... пока.

— Умывайся. Есть десять минут. Затем выходи. Ты едешь со мной.

— В... в телеге? — неуверенно спросила я.

Его белые глаза сверкнули.

— Нет. Со мной. В седле. Хочу держать свою «смелую» вещь поближе. Наблюдать. И чтобы другие видели.

Он развернулся и вышел, оставив меня в тишине шатра с новыми, еще более тревожными мыслями. Ехать с ним... в его седле. Быть на виду у всех. Это была не просто перевозка. Это была демонстрация. И, возможно, еще более изощренная форма контроля.

Я подняла нож и спрятала его обратно за пояс. Плохое оружие — все равно оружие. А еще — напоминание. Напоминание о том, что я могу попытаться. Даже если шансы ничтожны. Я подошла к тазу с водой и плеснула ледяной жидкостью в лицо, пытаясь смыть остатки сна, страха и униже-

ния.

«Хорошо, Владыка, — подумала я, глядя на свое отражение в темной воде. — Буду ехать с тобой. Буду слушать. Буду смотреть. Ты хочешь наблюдать за мной? Что ж. Я тоже буду наблюдать за тобой. ».

Десять минут истекли.

Я вышла из шатра, и мир обрушился на меня какофонией звуков и запахов. Воздух пах дымом, жареным мясом и чем-то кислым, звериным. Рядом с шатром, в массивных клетках из черного железа, сидели... Церберы. Трехголовые псы размером с телку, с горящими угольками глазами на каждой морде. Один из них смачно, с хрустом ломая кости, чавкал огромный кусок кровавого мяса, бросая на меня взгляд. Я сглотнула и инстинктивно попятилась вдоль стенки шатра, спиной ощущая грубую кожу.

«Так... меня привезли оттуда, с той стороны лагеря, где телеги... Значит, вон та тропа — граница его земель? Если пересечь...» Мысль работала лихорадочно, пытаюсь выстроить карту в голове. «Везли порядка четырех часов от места похищения... значит, портал в мир людей не так далеко отсюда. Может, день-два пути пешком...»

Пока я пятилась, мой взгляд выхватил деталь: около пня срубленного черного дерева, похожего на обгорелую кость, стоял, воткнутый в землю, длинный меч в простых ножнах. Солдатский, не парадный. Сердце заколотилось чаще. Нож для фруктов — одно. Но меч...

Не думая, на чистом адреналине и отчаянии, я рванулась к нему. Пальцы обхватили рукоять — она была шершавой и влажной от утренней росы.

— Серьезно? В первый же день бежать? — над самым моим ухом прозвучал его голос. Спокойный. Почти... разочарованный.

Я отпрыгнула вперед, развернулась, держа меч в дрожащих руках перед собой, как щит. Он стоял, скрестив руки на груди. Его доспехи, казалось, впитывали утренний свет. Белые глаза смотрели на меня без злобы. С усмешкой.

— Я... я осматривалась! — выпалила я, понимая, насколько это звучит глупо с мечом в руках.

— Тебе что-то было непонятно из того, что я сказал? — он сделал шаг вперед. Я отступила, наткнувшись пяткой на тот самый пень. — Неповиновение — наказание. А попытка бегства с кражей оружия — это даже не неповиновение. Это открытый бунт.

— Я ничего еще не сделала! — в голосе прозвучала истерическая нотка. — Я просто взяла! Я не убежала!

— Это верно, — кивнул он, и в его тоне появилась отстраненная рассудительность, от которой стало еще страшнее. — Я тебя остановил. Не зря. Было бы досадно, если бы моя новая вещь в первый же день сломалась так бесславно. Эти псы, — он кивнул в сторону клеток, не отрывая от меня

взгляда, — обучены догонять и приносить добычу. Живой. Но не обязательно целой. Они бы потрепали тебя за минуту. Или гвардия на вышках засекла бы. Стрела в ногу — и все, конец прогулке.

Он протянул руку не торопясь.

— А теперь брось меч. Медленно. И иди вперед. К лошади.

Я смотрела то на него, то на тяжелый клинок в своих руках. Руки дрожали. Меч был тяжел, им нужно было уметь фехтовать, а не просто размахивать. Он это знал. И я это знала. Это был не побег. Это был жест отчаяния. Глупый, детский жест.

Стыд подкатил к горлу. Я разжала пальцы. Меч с глухим стуком упал на сырую землю у его ног.

— Хорошо, — сказал он, и это прозвучало как «молодец, собачка». — Теперь иди.

Я, опустив голову, побрела мимо него к огромному черному жеребцу, который фыркал и бил копытом. Рядом с ним, на земле, лежала небольшая свернутая цепь с ошейником. Не та, тонкая, из шатра. Эта была солиднее, с инкрустациями, но назначение ее было тем же.

Он подошел сзади, поднял меч и вонзил его обратно в землю у пня, будто ничего не произошло.

— Наказание будет позже, когда остановимся на ночь, —

сказал он деловито, поднимая с земли ошейник. — Сейчас — в дорогу. Подними подбородок.

Я невольно подчинилась. Он защелкнул ошейник вокруг моей шеи. Металл был холодным, но сидел не туго, не мешая дышать. К нему было прикреплено кольцо. Он взял в руку длинный поводок из той же цепи, что и ошейник, и пристегнул его.

— Так спокойнее. И для тебя, и для меня. — Он легко, почти без усилий, посадил меня в седло перед собой, затем сам взгромоздился сзади, одной рукой беря поводья, а другой прижимая меня к себе, держа свободный конец моего поводка. — Не пытайся выскользнуть. Если упадешь на полном скаку с этой привязью, свернешь шею и это будет самым легким исходом.

Он тронул коня, и мы двинулись сквозь лагерь. Я чувствовала на себе десятки взглядов — демонов, солдат, рабов. Одни смотрели с голодным любопытством, другие — со страхом, третьи — с безразличием. Я была трофеем на параде. Вещью, которую хозяин решил показывать.

А он, наклонившись так, что его дыхание коснулось моего уха, сказал тихо, чтобы слышала только я:

— И забудь о портале. Тот, через который вас притащили, уже закрыт. На месяц. Следующий — в пятистах милях к югу, на землях моей сестры. И она меня не любит. Так что

думай не о бегстве, зверушка. Думай о том, как заслужить возможность жить в моей крепости, а не в яме с теми псами.

Ледяная реальность его слов впилась в меня острее любого лезвия. Пути назад не было. По крайней мере, тем путем, каким пришла.

Я сидела, окаменев, чувствуя холод ошейника на шее и тепло его доспеха за спиной. Бежать было некуда. Оставалось только одно — вгрызаться в этот новый, чудовищный мир. И искать слабинку. Не в стенах, не в порталах. А в нем. В этом ледяном Владыке, который называл меня вещью.

И я начала искать. Прямо сейчас. Впитывая каждую деталь лагеря, каждую интонацию его голоса, каждый приказ, который он отдавал мимоходом. Я была его пленницей, его зверушкой. Но еще я была артефакторкой. А лучший способ понять магическую вещь — изучить ее владельца.

Я сглотнула. Вопрос вертелся на языке с момента, как я увидела этих демонов, трепещущих перед ним, и поняла масштаб его власти. Но задавать его было страшно. Страшно узнать ответ. Теперь, зажата между его руками, с холодным ошейником на шее, когда, казалось, хуже уже некуда, страх отступил, уступив место жгучему, почти истерическому любопытству.

— А... кто ты? — выдохнула я, глядя прямо перед собой на уходящую вдаль выжженную тропу.

Он рассмеялся. Звук был низким, резонирующим у меня в спине, и в нем не было ничего веселого. Это был смех суще-

ства, которое давно перестало удивляться глупости смертных и низших рас.

— Всевышняя, — произнес он, и в этом слове сквозила неподдельная, циничная усмешка. — Ты даже не знаешь, кому вчера член сосала? А еще «вечная». Просвящение в ваших мирах, я вижу, хромает.

Я сгорала от стыда, но и от ярости тоже. Его слова били точно в цель, усиливая унижение.

— Всадник я, — продолжил он, и его голос потерял оттенок насмешки, став плоским и безличным, как надгробная плита. — Четвертый. В простонародье — Смерть. А для тебя, с этого момента и до тех пор, пока я не решу иначе, — хозяин. Имя мне Малах. Можешь продолжать называть «владыкой». Или «господином». Мне все равно.

Смерть.

Одно слово ударило по сознанию с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Не метафора. Не титул. Один из Всадников Апокалипсиса. Сущность, вписанная в самую ткань мироздания. Существо, перед мощью которого меркли князья ада и короли демонов. Его землями мы проезжали. Его псы охраняли лагерь. Его властью он купил меня, как безделушку.

И я... я пыталась ткнуть в него ножом для фруктов. Украсть меч. Бежать.

Горький, истерический смешок застрял у меня в горле. Это было не просто безумие. Это была космическая по своей масштабности глупость.

Он почувствовал, как я вся напряглась, и его рука, обнимавшая меня за талию, чуть сильнее прижала к себе — не жест утешения, а утверждение владения.

— Теперь поняла, в чьих руках оказалась, зверушка? — его губы почти коснулись моего уха. — Ты не просто у какого-нибудь генерала или жадного до золота лорда. Ты — у меня. Твоя вечность... — он сделал паузу, давая словам проникнуть в самое нутро, — для меня интересна. Но не неуязвима. Есть вещи хуже смерти, Эль. И я знаю их все.

Мы ехали молча еще несколько минут. Ветер свистел в ушах, земля мелькала под копытами могучего коня. Я была в седле у самой Смерти. Метафора обрела чудовищную, осязаемую плоть.

— Почему? — наконец сорвалось у меня, тихо, почти шёпотом. — Почему ты... купил меня? Зачем я тебе? Ты же... Всадник. У тебя должна быть власть над... над настоящей смертью, над душами. Зачем тебе какая-то вечная девчонка, которая чует старые вещи?

Он не ответил сразу. Казалось, он обдумывает, стоит ли тратить слова.

— Скука, — наконец произнес он так же тихо. — Вечность — это очень, очень скучно, зверушка. Особенно ко-

гда ты — её неотъемлемая часть. Новые игрушки появляются редко. А такие... двойственные, как ты — живая, но не смертная; чувствительная, но не всесильная — и того реже. Ты — диковинка. Загадка, которую можно разгадывать. Или ломать. Смотря по настроению.

Он помолчал.

— А еще... ты боишься. И ненавидишь. И пытаешься бороться. Это дает искру. Наблюдать за этой искрой, гасить ее и снова разжигать... в этом есть свой интерес.

Его слова были ужаснее любой угрозы. Я была для него развлечением. Сложной игрушкой для того, чтобы развеять многовековую скуку. И моя воля, мой страх, моя ненависть были частью игрового процесса.

Я закрыла глаза, чувствуя, как леденящий ужас сменяется новой волной — уже не паники, а мрачной, железной решимости.

Хорошо, Малах. Всадник Смерть. Ты купил игрушку, чтобы ее сломать. Но я — не фарфоровая кукла. Я — артефакт. И у самых древних артефактов бывают острые, незаметные грани, о которые можно серьезно порезаться.

Я молчала до самого вечера, пока он не приказал остановиться на ночлег. Пока его гвардия разбивала лагерь, он слез с коня, отстегнул поводок от своего седла, но не снял ошейник.

— Насчет наказания, — сказал он, глядя на меня своими белыми, бездонными глазами. — За попытку бегства и кражу оружия. Ты выберешь сама свою судьбу. Или десять ударов плетью. Или проведешь ночь, прикованной к столбу на краю лагеря, под охраной гончих. Выбирай.

Он давал иллюзию выбора. Но оба варианта были ужасны. Одно — боль и унижение. Другое — холод, страх и постоянная близость тех самых трехголовых псов.

Я подняла на него взгляд, впервые за сегодня не отводя глаз.

— Я выбираю плети, — сказала я четко. Лучше быстрое, хоть и болезненное наказание, чем долгая пытка страхом. И еще... это был шанс. Шанс посмотреть, как далеко зайдет его «интерес». Убьет ли он свою «диговинку» за один проступок?

Уголок его губ дрогнул. Кажется, мой выбор его слегка удивил. Или... удовлетворил.

— Как скажешь. После ужина. А сейчас — в мой шатер. Отдохнешь перед... представлением.

Глава 3. Наказание

Мы доехали до места ночлега — выжженной поляны у подножия черных скал. Он слез с коня одним плавным движением, а затем, не церемонясь, стащил меня из седла, как мешок. Я едва удержалась на ногах.

— Идем. Тебе надо поесть. Не хватало еще, чтобы ты с голодухи померла, — бросил он через плечо и дернул за цепь, пристегнутую к его поясу.

Ошейник больно впился в шею. Я вскрикнула от неожиданной боли и тут же, захлебываясь, засеменила за ним, стараясь идти в ногу, чтобы не натягивать поводок.

— Смотрю, с ошейником поспокойней, — заметил он, не оборачиваясь. Его голос был полон холодного удовлетворения. — С самого начала надо было тебя на цепь посадить. Экономит нервы.

Я шла, опустив голову, но глаза блуждали по лагерю, высматривая в полумраке знакомые силуэты. Где Мари? Где Лия? Их не было среди разгружающих повозки солдат.

— Что-то высматриваешь? — он бросил взгляд через плечо, словно читая мои мысли. — Твоих подружек? Они дальше поехали с Херком. На невольничий рынок.

Он откинул полог уже поставленного шатра и буквально втолкнул меня внутрь.

В шатре было просторно и аскетично. Ковер, походная

кровать, стол, сундук. Он, стоя спиной ко мне, начал снимать доспехи. Плащ упал первым, затем наплечники, нагрудник. Под доспехами оказалась простая темная рубаха, но она обтягивала тело так, что скрыть его было невозможно.

Я невольно загляделась. Он был сложен... безупречно. Не как качок-гладиатор, а как длинноклинковое оружие — поджарый, с рельефными, словно высеченными из мрамора, мышцами. Кожа была загорелой. В каждом движении чувствовалась сдержанная, чудовищная сила.

Он заметил мой взгляд, закончив с доспехами, и обернулся.

— Что, нравится, зверушка? — спросил он, и в его белых глазах вспыхнула та же холодная усмешка.

Я резко отвернулась, чувствуя, как по щекам разливается жар. «Вот ведь... Какое самомнение!» — подумала я с яростью, но часть этого жара был не только от злости. Было что-то первобытное, животное в этой демонстрации мощи, что заставляло внутренне содрогнуться, даже ненавидя.

Он усмехнулся — я слышала этот тихий звук — и подошел ко мне вплотную. Его пальцы нашли застежку ошейника на моей шее. Щелчок — и холодный металл ослаб, затем был снят.

Я инстинктивно подняла руку, чтобы потереть натертую, болезненную кожу. В этот момент его руки легли мне на плечи. Прикосновение было неожиданно теплым. Пальцы скользнули по ключицам, оценивающе, а затем сомкнулись

на моей груди, через тонкую ткань кофты.

Я ахнула от неожиданности и резко отпрыгнула назад, наткнувшись на край стола.

— Тш-ш-ш, — его голос прозвучал успокаивающе, но в нем слышалась угроза. — Я лишь осматриваю свою игрушку. Хороша... — его белый взгляд скользнул по моей фигуре, заставив кожу покрыться мурашками. — И... как хрупка.

Он сделал шаг, закрывая расстояние, которое я создала. Его руки снова нашли мою талию, обхватив ее так, что я почувствовала всю разницу в силе. Его ладони почти смыкались. В его прикосновении не было грубости, но была абсолютная, неоспоримая власть — власть, которая могла сломать меня пополам, если бы он того захотел.

Я замерла, глядя ему прямо в белые, бездонные глаза, стараясь не дрожать. Дышала часто и мелко. Внутри бушевала буря: страх, стыд, ярость и что-то еще... острое, колющее осознание собственной уязвимости перед этим существом.

— Боишься? — прошептал он, и его губы оказались в сантиметре от моего лба.

— Ненавижу, — выдохнула я в ответ, и это была чистая правда.

Он снова усмехнулся, будто это был самый желанный ответ.

— Это тоже сгодится. Ненависть дает энергию. — Он от-

пустил мою талию, но не отошел. — Теперь о наказании. Плети. После ужина. Поешь. Отдохни. Наберись сил. Я хочу, чтобы ты все чувствовала. Каждый удар.

Он повернулся и направился к столу, где уже стояли вино и простая пища, оставив меня стоять посреди шатра, с натертой шеей, с памятью о его прикосновениях на коже и с ледяным предчувствием в животе. Он не просто наказывал. Он делал из этого ритуал. И я, ненавидящая и боящаяся, была центральной фигурой в этом жутком действе.

Я медленно подошла к столу и села. Тело дрожало мелкой дрожью, но разум работал четко. «Смотри, запоминай, Эль, — твердила я себе. — Его слабость не в мышцах. Она в его скуке. В его жажде "искры". Он хочет, чтобы ты боялась и ненавидела. Значит, нельзя давать ему всего, чего он хочет. Нельзя ломаться. Нельзя...»

Но мысли о предстоящей боли, о плетях, о его холодных, всевидящих глазах, наблюдающих за моей реакцией, вытесняли все логические построения, оставляя лишь первобытный, всепоглощающий ужас.

Он откинулся на спинку лавки, опрокинув в рот последний глоток вина. Его белые, бездонные глаза неотрывно следили за мной, пока я пыталась проглотить хоть кусок хлеба. Взгляд был оценивающим, холодным, как скальпель хирурга перед вскрытием.

Я невольно напряглась, положив хлеб обратно. Аппетит пропал окончательно.

— Плетью... я сам буду орудовать, — произнес он наконец, растягивая слова. — Не передумала?

Голос был спокойным, почти ленивым. Но в этой лени таилась смертельная опасность. Я подняла на него взгляд, стараясь, чтобы он не дрожал.

— Нет, — ответила я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотела, но четко.

Он хищно усмехнулся. Это было не то, что раньше. В этой усмешке было меньше насмешки и больше... предвкушения. Как у кота, который вот-вот выпустит когти.

— Ты либо глупа, либо безрассудна. Что, впрочем, для тебя одно и то же, — заметил он.

Я пожала плечами, делая вид, что меня не колышет, но внутри все сжималось в тугой, болезненный узел.

— Какая разница — выдохнула я, глядя на пламя факела, чтобы не видеть его глаз. — Когда ты меня сломаешь — сейчас или позже — если итог один.

В шатре воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня. Потом он отодвинул кубок и медленно встал. Его тень, огромная и искаженная, легла на стену шатра, накрыв меня собой.

— О, нет, — произнес он тихо, и в его голосе впервые прозвучало что-то, кроме холодной констатации. Легкое, но ощутимое раздражение. — Ты ошибаешься. Кардинально. Я не люблю ломать свои вещи. Особенно те, что могут принести пользу. Или... доставить удовольствие.

Он сделал шаг ко мне. Я отпрянула на лавке, но бежать было некуда.

— Ты сама ставишь меня перед таким выбором, зверушка, — продолжал он, останавливаясь так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. — Неповиновение, бунт, попытка бегства — это не просто шалости. Это угроза порядку. Моему порядку. Если я прощу это тебе в первый же день, что подумают другие? Что правила не для всех? Что моя новая игрушка имеет особые привилегии? Или что я стал слаб и можно оспорить мою силу, мое влияние?

Он наклонился, и его лицо оказалось на уровне моего. Белые глаза, казалось, светились изнутри собственным призрачным светом.

— Правила для всех одинаковы. Даже для таких... любопытных диковинок, как ты. Наказание должно быть. И оно будет. Потому что я сказал. Потому что так должно быть. А вот сломаю я тебя или нет... — он отступил на шаг, и его тень перестала давить на меня, — это зависит не от плети, Эль. Это зависит от тебя. От того, научишься ли ты понимать эти самые правила и жить по ним. Или будешь тыкаться в них, как мотылек в стекло, пока не разобьешься вдребезги.

Он повернулся к сундуку, открыл его и достал оттуда плеть. Она была не огромной бичующей машиной, а тонкой, гибкой, с несколькими хвостами из черной, отполированной кожи. Инструмент для точной, сокрушительной боли.

— Встань. Повернись. Обопрись о стол, — его голос сно-

ва стал безличным, командным. — И помни: кричать можно. Плакать — можно. Но если ты упадешь или попытаешься убежать до того, как я закончу... наказание начнется сначала. И в следующий раз ты будешь ночевать с гончими.

Я медленно, будто сквозь густую воду, поднялась с лавки. Ноги были ватными. Я повернулась спиной к нему, упираясь ладонями в холодную, полированную поверхность стола. Дерево было гладким под пальцами. Я сжала глаза, готовясь к первому удару, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Позади раздался легкий свист рассекаемого воздуха.

Первый удар пришел не с громким хлопком, а с резким, жгучим щелчком, который рассек воздух и кожу одновременно. Боль была не глухой, а острой, ядовитой, словно по спине провели раскаленной проволокой. Воздух вырвался из моих легких тихим всхлипом. Я вцепилась в край стола так, что костяшки пальцев побелели, заставляя себя стоять, не сгибаясь.

Второй удар наложился на след первого, удваивая ад. Я вскрикнула, не в силах сдержаться. Третий заставил слезы брызнуть из глаз. Каждый следующий удар был точным, методичным, без лишней жестокости, но и без тени милосердия. Он не торопился. Он просто... исполнял.

Кожа горела, рвалась. Я чувствовала, как по спине стекают струйки чего-то теплого — крови или пота, уже не различала. Весь мир сузился до стола под руками, до хрустящего под ногами ковра и до этого пронзительного, очищающего

огня в каждой клеточке спины.

«Семь... восемь...» — отсчитывала я в помутневшем сознании, уже не крича, а лишь хрипло выдыхая с каждым ударом. Губы были прикушены до крови, чтобы не вырвался стон мольбы.

Девятый удар заставил мои ноги подкоситься, но я удержалась, упираясь лбом в холодное дерево.

Десятый, последний... Пришел с тем же холодным свистом. Боль достигла такого пика, что на миг перешла в странное, белое ничто. А затем тьма, густая и милосердная, нахлынула и поглотила меня целиком. Я потеряла сознание, так и не упав, все еще держась за стол.

Глава 4. Боль

Я пришла в себя от волны тупой, пульсирующей боли. Лежала лицом вниз на жесткой лавке в том же шатре. Голова раскалывалась, тело горело одним сплошным огненным шрамом. Кофта на мне была разодрана по спине, и на кожу что-то ледяное и липкое было нанесено — мазь или отвар.

— Приходи в себя. Через пару часов выезжаем, — прозвучал над моим ухом тот же холодный, бесстрастный голос Малаха. Он стоял где-то рядом.

Я попыталась пошевелиться, и новая, адская судорога боли пронзила все тело. Слезы, горячие и бессильные, выступили на глазах и впитались в грубую ткань лавки.

Шаги приблизились. Он подошел, чтобы посмотреть. Я чувствовала его взгляд на своей обнаженной, израненной спине. Потом он тихо, почти незаметно вздохнул.

— Если по дороге умрешь, будет даже жаль. Но это — результат твоих действий. Запомни его.

В его словах не было сочувствия. Была лишь констатация. Как если бы он говорил о лошади, которая споткнулась на ухабе. «Жаль, но сама виновата».

Я снова провалилась в лихорадочный, беспокойный сон, где кошмары смешивались с реальной болью.

Глаза открылись сами, будто от постороннего звука. В

шатре было полутемно. Я слышала приглушенный разговор у входа.

— ...хозяин, у нее сильная лихорадка. Раны воспалились. Она не сможет ехать в седле, ее тряссти будет на каждом камне.

Я узнала этот голос — один из лекарей-демонов, что сопровождал отряд.

— Убери лихорадку, — коротко приказал Малах.

— Не могу. Не так быстро. Нужны сутки покоя, хотя бы... чтобы сбить жар и начать заживление.

— У нас нет этого времени. Закину в седло как есть. Привяжу покрепче.

— Хозяин, она умрет от болевого шока или заражения. Силы кончатся.

Наступила короткая пауза. Я затаила дыхание, слушая свой приговор.

— Выдержит, — наконец произнес Малах, и в его голосе не было сомнения, лишь холодная уверенность. — Как выдержала плети. Дай ей самое сильное лекарство от боли. И снотворное. Чтобы не мешалась и не кричала.

— Да, хозяин, — безропотно ответил лекарь.

Шаги удалились. Через некоторое время ко мне склонилась другая тень. Горьковатый, терпкий запах. Кто-то грубо приподнял мою голову, и в рот влили густую, отвратительную на вкус жидкость. Я едва не подавилась, но ее влили настойчиво, зажимая нос.

Сначала пришло облегчение — острая боль отступила, превратившись в далекое, глухое нытье. Потом накатила тяжелая, ватная волна снотворного. Сознание поплыло, края мира расплылись.

Последним, что я слышала, прежде чем тьма снова поглотила меня, был его голос где-то совсем рядом, тихий, будто про себя:

— Выживешь, зверушка. Должна выжить. Мне еще не надоело.

И тогда, в глубине наркотического забытья, сквозь боль и унижение, вспыхнула последняя, упрямая искра. Не надежды. Не любви. Чистой, неразбавленной ярости.

Ненавижу. Выживу. Чтобы когда-нибудь...

Мысль оборвалась, не законченная, унесенная в черные воды искусственного сна. Но чувство осталось. Оно горело в груди маленьким, тлеющим угольком. И этого пока было достаточно.

Глава 5. Прибытие

Я проснулась от мерных, тряских покачиваний. Сознание вернулось не сразу, а пробивалось сквозь плотный туман снотворного и боли. Сначала я почувствовала ритм — глухие удары о что-то твердое и упругое. Потом поняла: это бьется лошадиное плечо о мои ребра. Я висела вниз головой, перекинута через седло, как трофейная дичь или мешок с зерном. Кровь прилила к голове, отчего она гудела мучительной, тяжелой пустотой. Мир плыл и раскачивался в такт шагам коня вверх ногами: выжженная земля, копыта, пыль.

И тогда, сквозь лекарственную завесу, прорвалась боль. Не острая, как вчера, а глухая, разлитая по всей спине, будто ее медленно раскалывают тупым топором. Каждый толчок лошади отзывался новым спазмом. Из горла вырвался тихий, бессильный стон.

— Уже очнулась? — сверху донесся его голос. Он звучал так же спокойно, будто комментировал погоду. — Рановато. Еще не приехали.

Жажда. Она ворвалась в сознание внезапно и всепоглощающе. Горло было пересохшим, губы потрескались, язык прилип к небу. Казалось, я не пила сто лет.

Он, почувствовав мое движение или просто решив проверить, придержал коня. Я услышала, как он спрыгивает на землю, потом сильные руки перехватили меня, приподняли

за плечи. Мир перевернулся, и я увидела его лицо, освещенное полуденным солнцем. Белые глаза были бесстрастны. Он одной рукой поддерживал мою голову, а другой поднес к моим губам походную флягу.

— Пей.

Я с жадностью прильнула к горлышку и прохладная, жесткая вода хлынула в горло. Это было блаженство, смешанное с болью при глотании. Я сделала несколько жадных глотков, и мир снова начал расплываться, терять краски. Лекарство еще не отпускало до конца. Темнота нахлынула снова, мягкая и неотвратимая.

Следующее пробуждение было иным. Покачивания почти прекратились, лошадь шла шагом. Я лежала уже не через седло, а как-то боком, почти сидя, но привязанная и бессильная, как тряпичная кукла. Подо мной была не земля, а гулкий, обработанный камень. Я открыла глаза.

Над нами нависали чудовищные, угрюмые стены из черного, отполированного до зеркального блеска базальта. Мы проезжали под массивной аркой ворот, уставленных острыми, как иглы, железными зубьями. Воздух стал другим — холодным, сырым, пахнущим камнем, дымом и чем-то древним, металлическим. Замок. Его замок.

Всё тело онемело и затекло от долгой, неподвижной дороги. Руки, привязанные где-то сзади, потеряли чувствительность. Ноги свисали, как чужие.

Конь окончательно остановился во внутреннем дворе, вымощенном тем же черным камнем. Кругом сновали слуги и солдаты в более парадных, но не менее мрачных доспехах. Все замерли, завидя хозяина.

Он слез с седла, его движения были легкими и уверенными. Затем он обернулся и окинул мое состояние тем же оценивающим, белым взглядом. Взгляд скользнул по моему бледному, вероятно, запачканному пылью лицу, по разодранной кофте, по безвольно свисающим ногам.

Он тихо, почти незаметно вздохнул. Не сочувствия ради. Скорее, как человек, которого отвлекают от важных дел досадной помехой.

Потом он наклонился, просунул плечо под мой живот, и в следующий миг мир снова кувыркнулся. Он взметнул меня, как пустой мешок, через плечо. Боль в спине вспыхнула ослепительным, белым светом. Воздух вырвался из легких с хриплым, сдавленным стоном. Я беспомощно повисла, видя внизу только его спину в темной дорожной одежде и черные плиты пола, мерно уплывающие под его тяжелыми, неспешными шагами.

— Отнеси ее в башню. В покои над моими. Ту, что с решеткой на окне, — бросил он кому-то из слуг, даже не оборачиваясь. — Позови лекаря. И чтобы к вечеру она была в состоянии стоять на ногах и понимать речь.

Его голос отдавался эхом в высоких, мрачных сводах прихожей, а я, перекинутая через плечо Всадника Смерти, въе-

хавшего в свою обитель, могла только стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли и унижения, и смотреть, как под ногами моего нового хозяина медленно, неумолимо проплывают холодные камни его вечного дома.

В последние секунды я увидела испуганное лицо какого-то крепкого слуги-демона, который поспешно подхватил меня, прежде чем я упала на камни. От резкого движения и новой волны боли сознание снова уплыло в черную бездну.

Глава 6. Первый день в крепости

Я очнулась от острого, пронизывающего запаха трав и антисептика. Лежала не на камне и не на грубой ткани, а на чем-то мягком и податливом. Односпальная кровать с жестковатым матрасом. Над низким потолком из темного дерева плясали тени от светильников. Комната была маленькой, почти кельей, но чистой.

Вокруг меня суетились две фигуры. Один, постарше, с длинными пальцами и внимательным, лишенным всякого сострадания взглядом, готовил на столике какие-то склянки и бинты. Другой, помоложе, просто стоял наготове.

— На, выпей это, — старший, не глядя, сунул мне в руку небольшую деревянную чашку с мутной, дурно пахнущей жидкостью. — Обезболит. Немного. И приготовься — сейчас будет больно. Будем раны чистить. Смотри, язык не прикуси.

Его речь была грубой, но профессиональной. Демон-врач. Или лекарь при замке. Для него я была не человеком, не пленницей, а поврежденным имуществом, которое нужно привести в порядок согласно приказу хозяина.

Я выпила жидкость, скривившись от вкуса. Сначала ничего. Потом по телу разлилось странное тепло, и острая, режущая боль в спине немного притупилась, стала далекой, но не исчезла. Этого оказалось достаточно, чтобы я почувствовала

первое прикосновение.

Холодная, мокрая тряпка, а потом что-то острое. Он начал счищать засохшую кровь, грязь и остатки старой мази. И даже сквозь пелену лекарства боль ворвалась в сознание — жгучая, невыносимая. Из горла вырвался дикий, животный вой, который я не могла сдержать.

— Ай, не ори! — рявкнул лекарь, даже не останавливаясь. — Нечего было против хозяина идти! Правила для всех одни, зато в следующий раз умнее будешь. Держи ее!

Младший демон бросился ко мне и грубо прижал мои плечи к кровати, не давая дернутья. Слезы брызнули из глаз, заливая виски и простыню, смешиваясь с потом. Каждое движение скальпеля или щетки было новой пыткой. Я стискивала зубы до хруста, пытаясь не кричать, но тихие, захлебывающиеся всхлипы вырывались сами.

— Маш прибудет через час, поможет с заживлением, — бормотал лекарь себе под нос, сосредоточенно работая. — А сейчас в любом случае нужно чистить. И не дергайся, а то только хуже сделаю!

Это была бесконечность. Бесконечность огня, стыда и абсолютной беспомощности. Я лежала и терпела, пока чужие руки обдирали мою кожу, причиняя благо — чтобы не было заражения, — но делая это с такой жестокой, циничной эффективностью, что хотелось умереть.

Наконец, он отступил. По спине что-то полилось — све-

жая, прохладная мазь. Это принесло минутное облегчение, столь острое, что я снова расплакалась, уже от слабости.

— Вот и все, — сказал лекарь, вытирая руки. — Перевяжут. Лежи. Маш скоро будет. Она... особая. Слушайся ее, и все заживет быстрее. А нет — так и сгниешь здесь. Хозяин новую игрушку найдет.

Они ушли, оставив меня лежать мокрую от слез и пота, дрожащую от боли и пережитого ужаса. На спине горели свежеччищенные раны, но самая глубокая боль была внутри. От унижения. От осознания, что я здесь — ничто. Вещь, которую чистят и чинят, чтобы она снова могла приносить «пользу или удовольствие».

Я закрыла глаза, пытаясь отдышаться. «Маш... кто это?» — пронеслось в голове. Новая угроза? Или... шанс?

Шаги в коридоре заставили меня вздрогнуть. Дверь открылась без стука. На пороге стояла... девушка. На вид лет двадцати, в простом платье служанки, но в ее глазах был странный, спокойный свет, а от нее исходило мягкое, едва уловимое тепло. Она несла в руках миску с паром и сверток трав.

— Эль? — тихо спросила она. — Меня зовут Маш. Я... помогу. Это будет неприятно, но не так, как у лекаря. Обещаю.

В ее голосе не было ни жестокости, ни подобострастия. Была лишь тихая уверенность. И в этой ледяной крепости Смерти ее присутствие казалось самым странным и необъ-

ясным явлением из всех.

Я напряглась, увидев ее. Каждое новое лицо в этом месте несло потенциальную угрозу, новую форму боли или унижения. Даже если это лицо выглядело молодым и безобидным. Опыт научил: за мягкостью здесь часто скрывалась сталь.

— Тш-ш-ш, — она издала успокаивающий звук, поставив миску на тумбочку и подойдя к кровати. Ее движения были плавными, почти грациозными. — Не дергайся. Я не причиню тебе зла. Я — маг. Врачевать умею.

Маг? В логове Всадника? Это было... странно. Магия жизни посреди обители Смерти.

— Полностью раны не сотру, — продолжала она тихо, разворачивая сверток с высушенными травами и какими-то свежими, влажными листьями, от которых пахло мятой и чем-то горьковатым. — Но подзатяну так, что будет уже как заживающее, а не свежее. И крови не будет. Кожа начнет срастаться.

Она посмотрела на меня прямо, и в ее глазах я увидела не жалость — а понимание. Понимание цены боли.

— Но предупреждаю: ощущения не из приятных. Конечно, не как от ударов плетью или чистки ран лекарем... но тоже мало приятного. Лежи и потерпи. Потом станет легче. Дыши ровно.

Она не спрашивала разрешения. Ее руки, теплые и мягкие, легли на мою спину чуть ниже ран. Сначала было просто тепло, как от грелки. Потом это тепло стало проникать

внутри, глубже кожи, в самые поврежденные ткани. Это было не больно, но... неестественно. Как будто что-то чужое, живое и настойчивое, ползло под кожей.

Затем началось «подтягивание». Ощущение было таким, будто края ран медленно, неумолимо стягивают миллионными невидимых нитей. Не острая резь, а глубокое, тянущее, судорожное чувство, от которого хотелось извиваться, чтобы его остановить. Я вцепилась пальцами в простыню, стиснула зубы. Из горла вырвался сдавленный стон.

— Почти, почти, — бормотала Маш, и ее голос звучал сосредоточенно. Ее собственное дыхание участилось. — Терпи. Это знак, что работает.

Тепло усиливалось, становясь почти жаром. Казалось, она выжигала что-то внутри ран — не грязь, а саму болезнь, саму возможность заражения. Потом жар сменился легким, щеко-чушим холодком, как от мяты. Напряжение в тканях стало ослабевать.

Я осмелилась открыть глаза, которые зажмурила от неприятных ощущений. Маш сидела на краю кровати, бледная, на ее лбу выступили капельки пота. Магия, даже такая, видимо, давалась ей нелегко.

Наконец, она убрала руки и тяжело выдохнула.

— Готово. На сегодня хватит. Завтра, если будет время, повторю. Тогда уже почти следов не останется.

Я осторожно пошевелилась. Боль была все еще там, но те-

перь это была боль глубоких синяков и потянутых мышц, а не открытых, рвущихся при каждом движении ран. Дышать стало действительно легче.

— Почему? — прошептала я, не в силах сдержать вопрос.
— Почему ты... помогаешь? Он приказал?

Маш на мгновение замерла, собирая свои травы. Ее лицо стало закрытым.

— В этом замке есть приказы, а есть... необходимость, — сказала она уклончиво. — Ты ему нужна живой и в здравом уме. А я умею это обеспечивать. Вот и все.

Но это было не «все». В ее уклончивости, в том, как она избегала моего взгляда, была какая-то тайна. Она не была просто служанкой. И не была демоном.

— Ты... не отсюда, — рискнула я предположить.

Она резко подняла на меня глаза. В них на секунду мелькнул страх, но она быстро его подавила.

— Никто здесь не «отсюда», в том смысле, как ты думаешь, — сказала она строго. — Забудь свои вопросы. Чем меньше ты знаешь, тем дольше проживешь. А сейчас спи. Тебе нужны силы. Завтра хозяин, скорее всего, захочет тебя видеть.

Она встала и направилась к двери, неся свою миску и тра-

вы. На пороге обернулась:

— И, Эль... Не пытайся с ним бороться в лоб. Ты уже прочувствовала, чем это кончается. Здесь выживают по-другому.

Она вышла, тихо закрыв дверь. Я осталась одна в тишине маленькой комнаты, с телом, которое все еще ныло, но уже не кричало от боли, и с головой, полной новых, тревожных вопросов.

Кто такая Маш? Почему она здесь? И что значит «выживают по-другому»?

Но больше всего меня мучил другой вопрос: что он, Ма-лах, Всадник Смерть, захочет от меня завтра? Просто посмотреть на заживающую «игрушку»? Или начнется что-то новое?

Страх снова сжал желудок холодным комом, но на этот раз к нему примешивалось что-то еще. Осторожное, опасное любопытство. Чтобы победить врага — или хотя бы выжить рядом с ним — его нужно понять. А завтра, возможно, представится шанс что-то увидеть. Услышать. Понять.

Маш ушла, оставив после себя запах трав и ощущение странного, необъяснимого тепла в спине. Боль притупилась до терпимой ноющей тяжести. Я лежала, прислушиваясь к тишине. Она была здесь иной, чем в степи — глухой, давящей, впитываемой толстыми каменными стенами.

Нельзя просто лежать. Нужно понять, где я. Что это за

клетка.

С трудом, опираясь на локоть, а потом на дрожащие руки, я поднялась и села на край кровати. Голова закружилась, но я удержалась. Встать получилось лишь со второй попытки, держась за спинку кровати. Ноги были ватными, спина горела упреком, но я стояла. Маленькая победа над собственной немощью.

Комната была действительно крошечной: кровать, тумбочка, маленький стол и табурет у стены. Ни шкафа, ни умывальника. Я, пошатываясь, добралась до двери. Массивная, из темного дуба, с железной скобой вместо ручки. Я потянула. Не поддалась. Толкнула плечом, слабо, понимая бесполезность, — только боль ответила ударом по спине. Заперто. Что, впрочем, было ожидаемо.

Окно. Оно было узким, больше напоминающее бойницу, расположено высоко на стене. Подвинув табурет к столу, я с огромным трудом забралась на него, держась за каменный выступ стены. Каждый мускул кричал от протеста.

В окно лился холодный, серый свет позднего дня. Я выглянула. И сердце упало. Высоко. Очень высоко. Мы были в одной из бесчисленных башен замка. Внизу, далеко внизу, лежал внутренний двор, похожий на глубокий каменный колодец. По его краям двигались крошечные фигурки солдат и слуг. Стены были гладкими, без выступов, без надежды. Даже если бы в окне не было решетки, путь вниз был бы путем самоубийства. «Чтобы не мешалась», — вспомнились

его слова. Он предусмотрел всё.

Я спустилась обратно, обессиленная и отчаявшаяся. Победа оказалась пирровой. Клетка была прочной.

Через некоторое время, когда я уже лежала, пытаюсь заснуть, дверь открылась без стука. Вошли две служанки — не демонницы, а какие-то замкнутые, молчаливые существа с бледной кожей и опущенными глазами. Они несли поднос. Одна поставила его на стол, другая принесла кувшин воды и простую ночную рубашку из грубого полотна.

— Ешь, — коротко бросила первая, даже не глядя на меня. — Иначе хозяин будет злиться.

Угроза была произнесена без эмоций, как заученная фраза. Они вышли, снова задвинув засов.

Я подошла к столу. На подносе стояла миска с дымящимся супом, кусок темного, но свежего хлеба и ложка. Еда пахла... нормально. Просто едой. Луком, морковью, мясом. После дней дорожной похлебки и вчерашнего кошмара этот запах казался почти роскошью.

Я села и послушно взяла хлеб. Разломила его. Внутри он был мягким. Окунула в суп. Первая ложка обожгла губы, но я проглотила. Потом вторую. Третью.

И тогда это случилось. Почти против моей воли, от чисто физиологического удовольствия теплой, сытной пищи после долгого голода, боли и страха, из груди вырвалось тихое, задумчивое:

— М-м-м...

Звук замер в тишине комнаты. Я застыла с ложкой в воздухе, ощущая жар на щеках. Это был звук почти что... удовлетворения. В этом месте. После всего. Предательский звук тела, благодарного за простую миску супа.

Я поставила ложку, чувствуя странную смесь стыда и горькой иронии. Вот она, цена выживания. Тело готово принимать крохи комфорта, даже когда душа в аду. Это было опасно. Очень опасно. Потому что с сытым желудком и заживающей спиной бунтовать и ненавидеть становится чуть сложнее. На один градус. Но это тот градус, на котором держится рабство.

Я медленно, уже без прежнего жадного энтузиазма, доела суп. Выпила воду. Переоделась в ночную рубашку, стараясь не трогать спину, потом легла на кровать и уставилась в темноту потолка.

«Не пытайся с ним бороться в лоб», — сказала Маш.

«Выживают по-другому».

Как? Как выживают в логове Смерти, не ломаясь и не предавая себя?

Ответа у меня не было. Но вопрос теперь висел в темноте передо мной, как та единственная, недоступная звезда в окне-бойнице. Нужно было найти ответ до того, как сытый желудок и теплая постель усыпят мою волю окончательно. До того, как «хозяин захочет тебя видеть».

Снаружи, из глубины замка, донесся далекий, протяжный звук рога, отмечавший, вероятно, смену караула или наступление ночи. Я закрыла глаза, прислушиваясь к ритму чужой, враждебной крепости, пытаюсь уловить в нем слабый, пока еще не слышный такт своего собственного выживания.

Глава 7. Подготовка

Утро наступило резко и без церемоний. Меня разбудили не лучи солнца, а грубоватое потрахиивание за плечо.

— Просыпайся. Пойдем, мыться и приводить тебя в порядок. Хозяин будет тебя утром принимать.

Я послушно, скрипя каждым заживающим мускулом, поднялась и пошла за двумя служанками. Мы спустились по узкой, винтовой лестнице башни, вышли в длинный, мрачный коридор, освещенный факелами в железных бра. По коридору сновали другие слуги — демоны низшего ранга, какие-то тенистые существа, люди с пустыми глазами. Но что поразило: увидев нашу маленькую процессию, они все, как один, спешно отпрыгивали в сторону, прижимались к стенам, опуская взгляды. Не от страха передо мной. Они отскакивали от меня, как от прокаженной. Нет, не так. Они расчищали путь, как если бы я несла на себе невидимую, но всем понятную печать: «СОБСТВЕННОСТЬ ВЛАДЫКИ. НЕ ПРИКАСАТЬСЯ».

Меня это унизило и... странным образом обнадежило. Значит, его защита или ярлык собственности работала даже в его отсутствие.

Нас завели в комнату, от которой у меня отвисла челюсть. Я ожидала чего-то в духе сырого подвала с деревянной кад-

кой и ведром. Вместо этого передо мной была просторная, светлая ванная комната в... почти современном стиле. Стены и пол были отделаны темным, полированным камнем, но посередине стояла огромная, встроенная ванна-джакузи, явно работающая на какой-то магии или продвинутой инженерии. За ширмой из темной ткани я мельком увидела привычный унитаз и даже душевую кабину со стеклянной дверцей.

«Похоже, Всадник Смерть очень любит комфорт, — пронеслось в голове с горькой иронией. — Убивать, наказывать, править — это работа. А отдыхать хочется с удобствами».

— Сейчас приведем тебя в порядок и переведем в другие покои, с личной ванной и туалетом, — сказала одна из служанок, та, что казалась старшей. У нее были острые черты лица и цепкий взгляд. — А сейчас — снимай одежду.

Со мной не стали церемониться. Кофту и штаны стянули быстро, я осталась в одних трусах, инстинктивно прикрывая грудь руками.

— Всё, хватит стесняться. Забирайся в ванну. Будем мыть.

Вода оказалась почти кипятком. Когда я погрузилась, она обожгла свежие раны на спине. Я зашипела от боли и попыталась выпрыгнуть.

— Глория, плесни холодной, — скомандовала старшая, и вторая служанка тут же добавила из кувшина ледяной воды. Температура выровнялась до терпимо-горячей.

Дальше было странно и унижительно. Меня начали тереть мочалками и ароматным мылом в четыре руки, смывая с кожи въевшуюся дорожную грязь, пыль, пот и следы вчерашних лекарств. Они делали это без злобы, но и без нежности — эффективно, как чистят дорогу, но испачканную вазу.

Вылезти из ванны помогли, закутали в большое, пушистое полотенце.

— Вот так, на человека теперь похожа, — констатировала старшая, критически оглядывая меня. Ее взгляд задержался на моих влажных волосах. — А волосы-то какие... Прямо золотые. Красиво. Ты не пугайся, я Роуз. Я буду помогать тебе одеваться и провожать по замку до покоев господина или в другие разрешенные комнаты. Подними руки, я сделаю замеры для платьев.

Я послушно подняла руки. Роуз ловко сняла с меня полотенце, и я на мгновение осталась стоять абсолютно голая под оценивающими взглядами четырех женщин. Кровь ударила в лицо, я вся покраснела от смущения.

— Ох, золотце, не смущайся, — флегматично протянула Роуз, обводя сантиметровой лентой мою грудь. — Ты, чай, не впервой голой-то.

Я молчала, стараясь смотреть в стену.

— Девственница, что ли? — с внезапной догадкой спросила другая служанка, Глория.

От этого прямого вопроса у меня покраснели не только щеки, но, кажется, и уши. Я кивнула, еле заметно.

— А-а-а, вот оно что! — Роуз хмыкнула, записывая цифры на восковой табличке. — Ну, теперь понятно, почему хозяин так... возится с тобой. Другую бы уже в общую спальню к девкам отправил или кому подарил. Осторожничает. Ценный товар.

Я нервно, почти истерически хихикнула, вспоминая вчерашние десять ударов плети. «Если это он «осторожничает», — подумала я с ужасом, — то что тогда с другими?»

— Так, параметры: 98, 55, 90, — озвучила Роуз, щелкая языком. — Худая, а грудь с попой сочные. Хозяину, гляди, по вкусу будет.

Я сглотнула, чувствуя, как по спине пробегает холодный пот, несмотря на тепло ванной. «Мне капец, — пронеслось в голове. — Он действительно рассматривает меня не просто как игрушку для скуки. А как... объект. С определенными параметрами».

— Ладно, одевайся, — Роуз протянула мне простое, но чистое платье из мягкой серой ткани. — Это пока. Потом сошьем что надо. Теперь идем. Покажу твои новые апартаменты. Они рядом с покоями господина, чтобы далеко не ходить, если что понадобится.

Я надела платье, чувствуя странную смесь: чистое тело, мягкая ткань, заживающая спина... и ледящий душу страх

от понимания, что всё это — часть подготовки. Подготовка к тому, чтобы быть «под рукой». Чтобы, когда «хозяину что-нибудь понадобится», я была чистой, одетой и... доступной.

Роуз взяла меня под локоть, скорее для демонстрации контроля, чем для поддержки, и повела обратно в коридор.

— Запомни, — сказала она тихо, но четко, пока мы шли. — Твоя задача быть удобной. Не шуметь, не капризничать, слушаться. И тогда, возможно, жизнь здесь будет не такой уж плохой. Вон, — она кивнула головой в сторону какого-то мрачного переулка, ведущего, видимо, в нижние этажи, — другим хуже. Намного.

Ее слова не были утешением. Они были инструкцией по выживанию в клетке с позолоченными прутьями. И я понимала, что мне придется эту инструкцию изучить. Пока не найду способа эти прутья перепилить.

— И... таких, как я много? — не удержалась я, пока мы шли по очередному длинному, слабо освещенному коридору. Вопрос вырвался сам, продиктованный новым, острым страхом — страхом быть одной из многих безликих «игрушек», теряющихся в числе.

Роуз хмыкнула, бросая на меня быстрый, оценивающий взгляд.

— Таких как ты? Одна, — ответила она сухо. — Со своими покоями у самого владыки. Остальные... — она махнула

рукой куда-то вниз, вглубь замка, — отработанный материал. Для солдат на утеху, на хозяйственные работы, пока не сломаются. Их не моют с ароматными маслами и не шьют им платья на заказ.

Я сглотнула. Ее слова были как ледяной душ. С одной стороны — облегчение. Я не была обезличенной единицей в бараке. С другой — это делало мою позицию еще более странной и уязвимой. Я была «особенной». И причины этой особенности: «девственница», «вечная», «диковинка» не делало меня в безопасности. Напротив.

— Вот твои новые апартаменты, — Роуз остановилась у тяжелой дубовой двери, откинула засов и втолкнула меня внутрь.

Комната... поразила. После каморки в башне это было небо и земля. Она была просторной, светлой и даже уютной. Большая кровать с темным деревянным изголовьем и грудями подушек, массивный шкаф, письменный стол, кресло у камина, холодного сейчас, большое зеркало в золоченой раме. И снова эта странная, диссонирующая с обликом замка деталь: дверь в небольшой санузел, где я мельком увидела привычные унитаз, раковину и даже небольшую душевую кабину. Всё было выдержано в темных, но благородных тонах, качественно и... по-земному привычно.

«Он действительно привез сюда комфорт из других миров, — подумала я, обводя взглядом комнату. — Или заставил построить под свой вкус».

Но одно «но» все портило. Окна. Они были больше, чем в башне, но так же надежно перекрыты ажурными, но несомненно прочными черными решетками. Красивая клетка. Очень красивая.

— Завтрак подадут сюда. Обед — в столовой для прислуги, если захочешь и если будешь вести себя прилично, — проинструктировала Роуз, стоя на пороге. — Платье придет через пару земных часов. Тогда и пойдешь к господину. Не вздумай ничего портить или пачкать. И спи — вид у тебя, как у загнанной кошки.

Она вышла, и я услышала, как снаружи щелкает засов. Я была снова заперта. Но теперь — в куда более комфортабельной тюрьме.

Я медленно обошла комнату. Кровать была мягкой, одеяло — теплым и легким. В шкафу висело несколько простых сменных платьев, похожих на то, что было на мне. На столе стоял кувшин с водой и пустая чашка. Я подошла к зеркалу.

Отражение было знакомым и чужим одновременно. Бледное лицо с синяками под огромными, испуганными голубыми глазами. Высокие скулы, казавшиеся еще острее от худобы. И эти предательски красивые, теперь чистые и сияющие золотом волосы, ниспадающие волнами на плечи. «Хозяину, гляди, по вкусу будет», — вспомнились слова Роуз. Я содрогнулась.

Но что-то еще было в этом отражении. Глубина во взгляде, которой не было раньше. Не просто страх. Упрямство.

И та самая ярость, которую не смогли выбить ни плети, ни унижение. Она тлела где-то на дне зрачков, как уголек под пеплом.

Я отвернулась от зеркала и подошла к окну. За решеткой открывался вид на внутренний двор-колодец и противоположную стену замка — такую же неприступную. А за стеной моей комнаты, где-то там, вероятно, был он. Малах. Всадник Смерть, который через несколько часов захочет меня видеть.

Что он захочет? Просто посмотреть на свою «приведенную в порядок» вещь? Или начнется что-то новое?

Страх снова сжал горло, но я сделала глубокий вдох. Страх был топливом. Ярость — оружием. А этот неожиданный комфорт... комфорт был испытанием. Он пытался меня усыпить, смягчить.

«Не получится, — подумала я, глядя на решетку. — Я буду есть их еду, спать на их кровати и носить их платья. Но только для того, чтобы набраться сил. Чтобы глаза стали зорче, а ум — острее. Ты купил диковинку, Малах. Но диковинки бывают коварными. И очень, очень терпеливыми».

Я легла на кровать, закрыла глаза и стала ждать. Ждать платья. И встречи с хозяином.

Глава 8. Урок первый

Платье принесли через два часа, как и обещали. Но оно пришло не одно. Вместе с темно-бордовым бархатом и шелком на подносе лежал предмет, от которого у меня похолодело внутри: корсет. Не просто утягивающий лиф, а полноценный, с костяными пластинами и шнуровкой сзади.

— Я это не надену, — вырвалось у меня, едва я его увидела. — Это же... слишком. Я не смогу дышать.

Роуз, руководившая процессом, лишь вздохнула, как взрослый перед капризным ребенком.

— Эль, так нужно. Это не просто прихоть. Есть правила этикета. Не только у демонов, но и у Всадников, у высшей знати. Так принято. Ты теперь в его доме, и внешний вид его собственности должен соответствовать его статусу.

— А нельзя без корсета? — попыталась я найти лазейку, уже представляя, как моя и без того выдающаяся грудь будет буквально вытолкнута этим сооружением на всеобщее обозрение.

— Без корсета носят только пеньюары и сорочки. В нижнем белье или по ночам. На официальные приемы, ужины и просто для присутствия при владыке — исключительно корсеты и платья.

— Но вы же без корсетов, — заметила я, глядя на ее про-

стое платье служанки.

Роуз улыбнулась, но в улыбке не было тепла.

— Дорогая, мы — служанки. А ты — собственность владыки. Разница, как между рабочим инструментом и ювелирным украшением. Инструмент должен быть практичным. Украшение — безупречным и вызывающим восхищение.

Сопrotивляться было бесполезно. Я сглотнула и покорно подняла руки, когда они начали облачать меня. Сначала тонкая сорочка, затем сам корсет. Холодные пластины обхватили ребра.

— Вдохни и задержи дыхание, — скомандовала Роуз.

Я послушалась, набрав воздух. В тот же миг шнурки на спине резко и сильно потянули, стягивая мою талию в тугую, невероятно узкий цилиндр. Воздух вырвался из легких со стоном. Мир поплыл перед глазами от нехватки кислорода.

— Ох, какая осиная талия получилась! — восхищенно ахнула одна из служанок. — И так маленькая, а тут вообще... Владыка доволен будет. Прямо как статуэточка фарфоровая.

Меня посадили на стул, давая отдышаться, и начали заплетать и укладывать мои золотые кудри в сложную, но элегантную прическу, оставляя несколько прядей обрамлять лицо. Потом натянули само платье — темно-бордовое, с глубоким декольте и узкими рукавами. Когда я наконец встала и подошла к зеркалу, то едва узнала себя.

Отражение было одновременно прекрасным и пугающим.

Платье сидело безупречно, подчеркивая каждый изгиб, который так старательно создал корсет. Я выглядела хрупкой, изысканной и... соблазнительной. Слишком соблазнительной.

— Эм... моя грудь... она практически выпрыгнула, — пробормотала я, краснея до корней волос и пытаясь прикрыть глубокое декольте рукой.

— Ой, это так и надо! — весело возразила Роуз, отводя мою руку. — Все идеально! Бог, или кто там у тебя, наградил — демонстрируем! Чем лучше видно прелести, тем больше понравится владыке. Это в твоих же интересах.

— А может, я не хочу ему нравиться? — выпалила я, уже не думая о последствиях.

Веселье мгновенно исчезло с лица Роуз. Ее взгляд стал жестким и предостерегающим.

— В низшие этажи захотела? Быть пущенной по кругу солдатами, пока от тебя мокрого места не останется?

Я вздрогнула, как от удара. Вчерашний страх Ферга, слова Лии о «пускании по кругу» — всё всплыло с новой силой.

— Вот то-то и оно, — кивнула Роуз, видя мой испуг. — Так что не жалуйся. Красота — твоя защита. Пока она нравится ему.

Меня окончательно «приготовили» и повели по коридорам замка. Роуз шла впереди, отбрасывая на ходу последние

наставления:

— Веди себя прилично. Спину держи прямо. Не хами, не дерзи и слушайся без вопросов. И тогда, возможно, не придется тебя снова лечить!

Мы подошли к высоким двустворчатым дверям. Роуз постучала, дождалась низкого «Войдите» и распахнула одну из створок, мягко подтолкнув меня внутрь.

Столовая была огромной и мрачной, с длинным черным столом, за которым могло бы разместиться двадцать человек. Но за ним сидел только один. Малах.

Он был в темном, простом камзоле, откинувшись на спинку высокого кресла. Его белые, почти слепые глаза сразу нашли меня, едва я переступила порог. В них что-то сверкнуло — не эмоция, а скорее... одобрение. Как у коллекционера, увидевшего, что редкий экспонат правильно отреставрировали и выставили.

— Оставьте нас, — сказал он тихо, не отрывая от меня взгляда.

Роуз и другие слуги мгновенно и бесшумно исчезли, закрыв за собой дверь. Тишина в комнате стала густой, звонкой, давящей. Я стояла, стараясь дышать ровно в тугом корсете, чувствуя, как его взгляд скользит по мне с головы до ног, изучая каждую деталь.

— Подойди ко мне, Эль.

Голос был спокойным, но в нем звучала неоспоримая

власть. Я сделала несколько неуверенных шагов по холодному каменному полу, пока не остановилась в паре метров от него.

Он медленно встал. Его рост, казалось, заполнил собой всё пространство передо мной. Он подошел так близко, что я почувствовала легкое дуновение воздуха от его движения и тот странный, холодный аромат, который всегда его окружал.

Его рука метнулась неожиданно быстро. Но не для удара. Длинные пальцы мягко вплелись в прядь моих волос у виска и отвели их назад, за плечо, открывая шею и линию декольте. Прикосновение было легким, но от него по коже пробежали мурашки.

— Аппетитно, — прошептал он, и его белые глаза сузились, изучая открывшуюся кожу. — Очень.

Потом его рука переместилась на затылок, пальцы вцепились в волосы у основания черепа. Не больно, но властно. Он притянул мою голову к себе и наклонился.

Его губы прижались к моим.

Я замерла, окаменев. Это был не поцелуй в привычном смысле. Это была демонстрация. Маркировка. Его губы были прохладными, твердыми, они двигались настойчиво, заставляя мои разомкнуться. Я ничего не делала, просто позволяла, чувствуя, как внутри всё сжимается в комок ледящего ужаса и стыда.

Он оторвался, все еще держа меня за затылок. Его дыхание коснулось моей щеки.

— Ничего. Скоро привыкнешь. И даже начнешь отвечать. Я научу.

Его губы спустились на шею, скользнули по чувствительной коже у самого уха. Я невольно вздрогнула, и он издал тихое, удовлетворенное «хм». Его поцелуи, скорее похожие на исследующие прикосновения, поползли ниже, по обнаженному плечу, оставляя за собой след мурашек.

— А-ах... — вырвалось у меня, когда его губы коснулись самой выступающей части, верха груди, выдавленной корсетом.

Его вторая рука, до сих пор висевшая вдоль тела, поднялась и обхватила мою талию, легко притянув меня еще ближе, так что наши тела соприкоснулись. Я почувствовала твердость его мускулов сквозь тонкую ткань его одежды и свою полную, абсолютную незащищенность.

— Не надо... — прошептала я, и мой голос прозвучал жалко и слабо даже в моих ушах.

Он приподнял голову, его белые глаза встретились с моими. В них не было гнева. Было холодное любопытство.

— И почему же я не должен наслаждаться своей вещью, а, зверушка? Вещью, за которую заплатил? Которую отмыл, одел и подготовил? — Его рука на талии чуть сжала меня, и корсет болезненно впился в ребра.

— Я... я не могу... — выдавила я, чувствуя, как слезы

подступают к глазам. Но плакать я не давала себе. Не перед ним.

— Можешь, — возразил он, и в его голосе впервые прозвучала легкая, опасная усмешка. — И еще как можешь. Просто еще не знаешь. Но я покажу. Со временем.

Он отпустил мою талию и отступил на шаг, будто удовлетворившись на сегодня. Его взгляд еще раз, медленно и оценивающе, прошелся по мне.

— Садись. Поешь. Тебе нужно восстанавливать силы. — Он кивнул на место рядом с собой за столом. — Наши уроки только начинаются.

Я, еле двигаясь от охватившего меня тремора, опустилась на указанный стул. Еда на столе пахла соблазнительно. Уроки... Какие еще уроки? И чему он собирается меня «научить»?

Он сел рядом, налил вина в свой кубок и отпил, наблюдая за мной своими ледяными, всевидящими глазами. В этом взгляде читалась бесконечная, пугающая уверенность. Уверенность в том, что у него есть всё время в мире, чтобы сломать, переделать и вылепить из меня именно то, что ему нужно.

А у меня была только ярость. И вечность. И я поклялась себе, что одной из этих вещей ему никогда не завладеть.

Я сидела, стиснув руки на коленях под столом, стараясь не смотреть на него и на еду, от которой меня мутило. Он отпивал вино, наблюдая за мной с тем же отстраненным ин-

тересом.

— Не нравится? — спросил он наконец, положив кубок.
— Еда, платье... мое внимание? Выбирай, что именно.
Я молчала, уставившись в темную поверхность стола.

— Говори, когда к тебе обращаются, — его голос не повысился, но в нем появилась сталь. — Это правило номер один. Игнорирование приравнивается к неповиновению. А последствия ты уже знаешь.

— Мне... всё нравится, владыка, — выдавила я, заставляя себя поднять на него взгляд. Голос дрожал.

— Врешь, — констатировал он просто. — Но это терпимо. Пока учишься. Со временем научишься скрывать ложь лучше. Или... чувствовать по-другому. — Он отломил кусок хлеба и медленно съел. — Твоя роль здесь проста. Ты — украшение. Приятная для глаз деталь интерьера, которая, в отличие от статуэтки, может... реагировать. От тебя требуется присутствие. Послушание. И готовность предоставлять удовольствие, когда оно потребуется.

Я сглотнула, чувствуя, как горит лицо.

— Удовольствие... — прошептала я.

— Да, — он наклонился чуть ближе и его белые глаза, казалось, заглянули мне прямо в душу. — Ты думаешь, я купил тебя только для того, чтобы смотреть? Нет, зверушка.

Смотреть — это лишь начало. Но конечная цель... она куда приятнее. Для нас обоих.

— Для меня это не будет приятно, — сорвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

Он рассмеялся. Коротко, сухо.

— Опять врешь. Ты просто не знаешь. Твое тело... оно отзывчивое. Чувствительное. Я уже это заметил. — Его взгляд скользнул по моему декольте, заставив меня инстинктивно съежиться. — Стоит только перестать бороться. Расслабиться. Принять то, что ты здесь, и кто я. И тогда... тогда ты сама будешь стонать. Не от боли. А от чего-то совсем другого.

От его слов по телу пробежала странная, предательская дрожь. Я покраснела еще сильнее, ненавидя себя за эту реакцию.

— Видишь? — он заметил мой румянец, и уголки его губ дрогнули в довольной, хищной полуулыбке. — Ты уже смущаешься. А смущение — это первый шаг. Потом будет интерес. Потом — желание. Я терпелив. У меня впереди вечность. И у тебя — тоже. Мы можем потратить сколько угодно времени на то, чтобы ты это поняла.

— Я никогда не захочу этого, — сказала я, но в голосе уже не было прежней уверенности, только отчаянное упрямство.

— «Никогда» — слишком длинное слово даже для таких, как мы, — парировал он. — Особенно когда каждый день будет доказывать обратное. Каждым прикосновением. Каж-

дым... уроком.

Он отодвинул тарелку и откинулся на спинку кресла.

— Сегодняшний урок был простым: знакомство с новыми рамками. С тем, как ты теперь выглядишь. С тем, как я буду к тебе прикасаться. Завтра будет что-то еще. Может, я научу тебя правильно подавать вино. Или просто прикажу стоять рядом, пока я буду работать, чтобы ты привыкала к моему присутствию. Маленькие шаги, Эль. Маленькие, но неотвратимые шаги к тому, чтобы ты заняла свое предназначенное место.

— Какое место? — не удержалась я.

— У моих ног. В моей постели. Где захочу. — Ответ был мгновенным и безжалостным. — Ты — моя вещь. Место вещи определяет хозяин.

Он встал и я инстинктивно отпрянула. Он усмехнулся.

— Бояться — можно. Это тоже приемлемая реакция. Пока. На сегодня достаточно. Роуз проводит тебя обратно. Ужин принесут в твои покои. И, Эль? — он остановился у двери, обернувшись. — Подумай над моими словами. О столах. О расслаблении. Попробуй представить. Может, даже понравится.

Он вышел, оставив меня сидеть за столом с трясущимися руками и умом, полным хаоса. Его слова, его уверенность,

его ухмылка... Они въедались в сознание, как яд. Он не просто угрожал физически. Он методично атаковал мою волю, мое я, предлагая сдаться не из-за страха перед болью, а из-за обещания... удовольствия.

Его слова висели в воздухе, ядовитые и сладкие, как испорченный мед. «*Ты сама будешь стонать...*» Они звенели у меня в ушах, смешиваясь с унижением от его прикосновений, со стыдом за свою беззащитность. Этот холодный, расчетливый разврат души был страшнее любой прямой угрозы.

Трепет в руках сменился ледяной, сфокусированной яростью. Он думал, что сломил меня? Что я теперь буду покорно ждать следующих «уроков», пока он не решит, что пора перейти к практике?

Нет.

Мой взгляд, острый и быстрый, как у загнанного зверя, метнулся по столу. Серебряные приборы, хрустальные бокалы, фарфоровые тарелки. И там, рядом с его пустой тарелкой, лежал нож. Не оружие, а столовый нож для мяса, с изящной резной ручкой и не слишком острым, но с вполне достаточным лезвием.

Ярость и отчаяние слились в единый, жгучий импульс. Движение было плавным и тихим, отработанным за века поисков в тишине древних гробниц. Я привстала, сделала шаг к его месту, и в следующее мгновение холодная металлическая рукоять была уже в моей ладони. Лезвие скользнуло под широкий, бархатный рукав моего платья. Ткань была тяжелой,

она скрыла очертания. Я почувствовала, как металл прижимается к внутренней стороне предплечья, обещая боль, но главное — возможность.

Сердце колотилось так, что, казалось, его стук эхом отдается в корсете. Но разум был кристально чист. Это было безумие. Абсолютное, самоубийственное безумие. Нож для мяса против Всадника Смерти. Но это было *действие*. Это был мой выбор, мой крошечный, отчаянный бунт, который он не предвидел.

Дверь открылась. Вошла Роуз.

— Пошли, — сказала она без эмоций. — Вижу, первый урок прошел. Жива-здорова — и хорошо.

Я кивнула и пошла за ней, стараясь идти ровно, чтобы рукав не колыхнулся лишний раз. Каждый шаг по каменным плитам отдавался в висках. Каждый взгляд встречного слуги казался подозрительным.

«Куда его спрятать? — лихорадочно думала я. — В спальне. Под матрасом? В шкафу? Нет, там будут убирать. В санузле, за унитазом? Слишком очевидно...»

Мы дошли до моей комнаты. Роуз открыла дверь, пропустила меня внутрь.

— Ужин принесут. Вести себя прилично. Не шуметь.

Она ушла, и я слышала привычный щелчок засова снаружи.

Только тогда я позволила себе выдохнуть. Дрожь, которую

я сдерживала, вырвалась наружу. Я прислонилась спиной к холодной двери, ощущая, как лезвие ножа впивается в кожу через ткань рукава.

Я достала его. Лезвие тускло блеснуло в свете ламп. Это был жалкий кусок металла против власти, способной сокрушать миры. Но для меня он значил больше. Он был символом. Напоминанием, что я еще не сдалась. Что я могу выбирать. Даже если выбор ведет к гибели.

Я обошла комнату, ища укрытие. Взгляд упал на тяжелую деревянную раму кровати, там, где ножка крепилась к боковине, была небольшая щель, зазор, прикрытый декоративной резьбой. Идеально.

Быстро, пока не передумала, я просунула лезвие в щель и протолкнула его глубже, пока снаружи не осталась торчать лишь верхушка рукояти. Нож был спрятан. Примитивно, но, возможно, эффективно. Он был здесь. Мой секрет. Мое крошечное оружие в мире, где я была безоружна.

«Хорошо, Малах, — подумала я, глядя на свое отражение. — Твои шаги — уроки покорности. Мои шаги — это спрятанные лезвия. Посмотрим, чьи шаги окажутся неотвратимее».

Снаружи слышались шаги — несли ужин. Я быстро отошла от кровати, приняв вид усталой и покорной пленницы, каковой, по их мнению, я и должна была быть.

Глава 9. Ловушка?

Ужин принесли. Простая, но сытная пища. Я села есть, почти не чувствуя вкуса, всё еще переполненная адреналином от спрятанного ножа в только когда я допивала воду, до меня дошло: тишина была слишком... полной.

Я подняла голову. Дверь в мою комнату была приоткрыта. Не настежь, но между ней и косяком зияла темная щель. Сердце екнуло. Сегодня утром Роуз заперла ее на засов. Вечером слуга, принесший еду, вышел и... не закрыл? Случайность? В этом месте ничего не происходило случайно.

Ловушка. Новая проверка от Малаха. «Посмотрим, что ты будешь делать с мнимой свободой, зверушка». Он выманивал меня. Ждал, сделаю ли я попытку бегства в первый же вечер.

Но... что если это шанс? Не для бегства, это самоубийство. Но для разведки. Узнать коридоры. Выходы. Лестницы. Хотя бы понять планировку своего этажа.

Я быстро доела, встала и, затаив дыхание, толкнула дверь. Она бесшумно открылась. Коридор за моей комнатой был пуст и погружен в полумрак, освещаемый лишь редкими магическими светильниками. Ни души. Тишина была звенящей, почти враждебной.

«Четвертый этаж, судя по виду из окна, — прикинула я. — Значит, нужно искать главную лестницу или служебные

проходы вниз...»

Я сделала шаг из комнаты, холод камня просочился сквозь тонкую подошву туфель. Сердце колотилось как сумасшедшее. Это была авантюра. Глупость.

И в этот момент я слышала.

Сначала это было едва уловимым вибрацией в воздухе, скорее чувством, чем звуком. Потом оно окрепло, превратившись в тихую, пронзительную... песню. Нет, не песню. Плач. Зов. Полный такой тоски, такой одинокой, разъедающей боли, что у меня перехватило дыхание.

Моя суть, мое истинное «я» — сенсетив, артефактор — отозвалось мгновенно и мощно, заглушив все остальные страхи. Артефакт. Не простой. Древний. Сильный. И он страдал. Его зов был криком брошенной души, вызывающей о помощи, о понимании, об... успокоении.

«Услышать. Помочь. Успокоить», — этот импульс был сильнее инстинкта самосохранения. Это была не просто тяга — это была потребность, зуд в крови, жжение в душе.

Я забыла про ловушку, про Малаха, про все. Я почти побегала на звук, прижимаясь к стенам, как тень. Песня лилась из глубин замка, манила вниз. Мои золотые волосы, обычно просто светлые, начали излучать мягкое, теплое сияние — внешнее проявление моего дара, реакция на близость магического сердца. Я не могла это контролировать.

Я спустилась на этаж ниже по широкой лестнице, оглядела пустые перекрестки коридоров. Зов был громче. «Где же

ты?» — мысленно спрашивала я, следуя за нитью тоски, как собака за дичью.

Я свернула в дальний, неосвещенный коридор, который, казалось, вел в самые старые, заброшенные части замка. Воздух здесь пах пылью, сыростью и временем. Песня превратилась в гимн. В моей голове начали вспыхивать образы — не четкие картины, а ощущения, эмоции, вплетенные в суть артефакта: грохот битвы, лязг мечей, белое сияние, черные тени, падение... падение с небес... Горечь предательства. Беспредельная скорбь.

Ангельский артефакт. Божественной природы. Такая редкость! Как он оказался здесь, в обители Смерти? Он был в агонии, запертый, забытый.

Я уже не шла — я неслась. Спустилась еще ниже по узкой, крутой винтовой лестнице, которая, казалось, уходила в самое нутро скалы. Свет от моих волос был единственным источником освещения в крошечной тьме. Я почти чувствовала его физически — холодную, резную поверхность, пульсирующую древней, искаженной болью магией.

Я вылетела с последней ступеньки в небольшое, круглое подземное помещение, больше похожее на склеп и прямым врезалась во что-то твердое и незыблемое.

Сильные руки схватили меня за плечи, чтобы удержать от падения. Я подняла голову, еще ослепленная внутренним светом и зовом артефакта.

Передо мной, освещенный мерцающим светом моих во-

лос, стоял Малах.

Он смотрел на меня не с гневом, не с удивлением. На его бесстрастном лице читалось... понимание. И глубокая, холодная удовлетворенность.

— Так, — тихо произнес он, его белые глаза отражали золотое сияние моих волос. — Вот она, твоя истинная сущность. Тянет тебя к сломанным игрушкам, да, зверушка? Я знал, что если оставить дверь открытой, ты пойдешь не к выходу. Ты пойдешь на зов. Прямо в мою коллекцию.

Его руки не отпускали мои плечи. Я стояла, задыхаясь, всё еще чувствуя мучительный зов артефакта, исходивший откуда-то из темноты за его спиной, и осознавая всю глубину своей ошибки. Он не просто проверял меня на побег. Он проверял меня. Мой дар. И я, как послушная собачка, прибежала прямо к его ногам, ведомая своей же сущностью.

Ловушка захлопнулась и я попала в нее с разбега.

Глава 10. Цена

— Дай помочь, — вырвалось у меня, едва я отдышалась. Взгляд моих глаз, все еще светящихся от внутреннего возбуждения, умолял, даже если голос звучал твердо. Мне было все равно, что он здесь, что это ловушка. Артефакт звал. Его боль была реальнее, острее страха перед хозяином.

Малах склонил голову набок, изучая меня. Казалось, он взвешивал мое желание на невидимых весах.

— Уверена, что найдешь в моих лабиринтах? — спросил он, и в его голосе прозвучала легкая, почти игривая насмешка. Это был вызов.

— Да, — ответила я без тени сомнения. Мой дар был компасом, и стрелка неумолимо указывала вглубь темноты за его спиной.

Он медленно, демонстративно, разжал пальцы на моих плечах и отступил на шаг, расчищая путь.

— Ищи, зверушка.

Я не заставила себя ждать. Словно отпущенная пружина, я рванулась вперед, в темный проход за его спиной, едва не споткнувшись о длинное, неудобное платье. Я подобрала подол, скомкав дорогой бархат в кулаках, и побежала, ведомая

теперь уже оглушительным хором тоски, доносившимся из глубин.

Он не спеша пошел следом. Я слышала его ровные, уверенные шаги позади, словно тень, которую невозможно оторвать. Его присутствие было давящим, но оно уже не могло отвлечь меня от цели.

Коридор вел вниз, превращаясь в настоящий лабиринт грубо вырубленных туннелей. Воздух становился все холоднее и тяжелее, пах плесенью, камнем и озоном — следом мощной, но спящей магии. Стены местами были покрыты непонятными фресками, стертыми временем, или испещрены рунами, от которых слезились глаза.

Но я не смотрела по сторонам. Я шла на зов. Мои волосы светились путеводным маячком в подземной тьме, отбрасывая причудливые тени на стены. Песня артефакта вибрировала в костях, теперь в ней проскальзывали ноты надежды, отклика на мое приближение.

Я свернула за очередной угол и замерла.

Передо мной была не дверь, а огромная, покрытая сложнейшими серебряными узорами каменная арка. За ней — обширный зал, больше похожий на подземный собор. И он был полон... вещей. Не сокровищ в обычном смысле. Не гор золота или самоцветов. На каменных подиумах, в стеклянных витринах, развешанные по стенам или просто лежащие в нишах, покоились артефакты. Десятки, сотни. Мечи, светящиеся холодным светом; разбитые диадемы, все еще храня-

щие отголоски власти; зеркала с затемненной поверхностью; сосуды с застывшим внутри туманом. Магия витала в воздухе густым, почти осязаемым коктейлем — древняя, гордая, безумная, скорбная.

И в центре этого немого хора, на отдельном черном постаменте, лежал тот самый артефакт, что звал меня.

Это было перо. Огромное, длиной в мой рост, сияющее потускневшим, но все еще ослепительным бело-золотым светом. Но свет был болен. Он мерцал, как аритмичное сердце, и от пера исходила та самая душераздирающая тоска, что привела меня сюда. Край пера был обуглен. Перо было ранено. Осквернено. И заточено здесь, в этом склепе чуждой магии.

— Моя коллекция сломанных игрушек, — раздался позади меня его голос. Он остановился рядом, скрестив руки на груди, наблюдая за моей реакцией. — Все, что осталось от падших богов, забытых героев, проигравших войны. Всё, что потеряло хозяев и силу. Всё, что больше никому не нужно. Кроме меня.

Я медленно подошла к перу. Моя рука сама потянулась, чтобы коснуться его, но я остановилась в сантиметре. Боль была такой сильной, что ее можно было потрогать.

— Крыло... ангела-воина, — прошептала я, видя вспышки образов — падение в огонь, предательский удар сзади, крик, который не звучал. — Его убили свои... а крыло от-

секли как трофей. Оно все еще помнит полет... и падение.

Я обернулась к Малаху. В его белых глазах читался интерес, глубокий и безжалостный.

— Можешь успокоить его? — спросил он, как ученый, задающий вопрос подопытному.

— Думаю, да, — ответила я. Это была не бравада. Это была правда. Мой дар бушевал внутри, требуя действия, контакта, исцеления. — Но... ему нужна не просто тишина. Ему нужна... честь. Признание его былой славы перед тем, как усыпить боль.

Он молча кивнул, давая разрешение. И в этом кивке было что-то большее, чем просто позволение поиграть с игрушкой. Это была проверка моих способностей. Оценка моей полезности.

Я закрыла глаза, отключившись от всего — от его присутствия, от холодного подземелья, от тугого корсета. Всё мое существо сфокусировалось на дрожащем, раненом свете передо мной. Я протянула руки ладонями к перу, не касаясь его, и позволила своему внутреннему свету, тому, что светился в волосах, излиться наружу.

Тепло потекло из моих ладоней, мягкое, живительное, полное понимания и... скорби. Я не пыталась стереть память. Я признавала ее. Признавала боль, предательство, потерю. Я посылала образы неба, полета, чистой цели, которые еще жили в сердцевине артефакта.

Мерцание пера стало ровнее. Пронзительная тоска начала отступать, сменяясь усталой, но мирной печалью. Свет становился чище, теряя болезненную рябь. Песня затихала, превращаясь в тихую, благодарную колыбельную.

Я не знаю, сколько прошло времени. Когда я открыла глаза, перо всё еще лежало на постаменте, но теперь оно сияло ровным, спокойным, некогда утраченным величием. Боль ушла. Осталась лишь память и покой.

Я опустила руки, чувствуя невероятную усталость, будто вынесла на себе всю его многовековую скорбь и обернулась.

Малах стоял на том же месте, но выражение его лица изменилось. Ледяное равнодушие сменилось задумчивым, оценивающим вниманием.

— Любопытно, — произнес он наконец. — Очень любопытно. Оказывается, я купил не просто диковинку. Я купил... реставратора.

Он подошел ближе, его взгляд скользнул с успокоенного пера на мое изможденное лицо.

— Кажется, зверушка, твоя цена для меня только что выросла. И твои обязанности... расширились. — Он протянул руку и легким, почти невесомым движением провел пальцем по моей щеке. — Возвращайся в свою комнату. Отдыхай. Завтра мы обсудим твое новое место в моем доме. Оно, полагаю, будет куда интереснее, чем просто у моих ног.

Он повернулся и пошел прочь, оставив меня одну в зале

сомнамбулических сокровищ, рядом с усыпленным ангельским пером. Его шаги затихли в лабиринте.

Я стояла, прижимаясь спиной к холодному постаменту, пытаюсь осмыслить произошедшее. Страх никуда не делся. Но к нему добавилось что-то новое. Опасная, зыбкая почва. Он увидел во мне не только тело. Он увидел дар. И это делало меня ценнее. И уязвимее. Потому что теперь у него был новый способ мной управлять — через то, что было сутью моего существа.

Я уже повернулась, чтобы идти вслед за удаляющимися шагами Малаха, но мои ноги будто приросли к каменному полу. Храмовая тишина зала артефактов была обманчива. Теперь, когда кричащая боль ангельского пера утихла, я могла различить другие «голоса». Не такие громкие, не такие отчаянные, но живые.

Некоторые из них действительно спали — глубоким, беспробудным сном осколков утраченной силы. Но другие... другие дремали, их сущность тихо вибрировала, как струны забытой арфы, готовые отозваться на правильное прикосновение.

Мой взгляд упал на одну из них. На низком подиуме лежала не пластина, а скорее тонкая, почти прозрачная плитка из перламутра или опалового стекла. На ее поверхности переливались и струились не письма, а узоры, похожие на замысловатые следы ветра на песке, на сплетение корней, на

танец солнечных зайчиков на воде. Она спала, но сон ее был легким, полным сновидений.

Я не могла устоять. Дар будил во мне ненасытное любопытство, жажду понять, услышать, *прочувствовать*. Осторожно, чтобы не разбудить что-то опасное, я приблизилась и закрыла глаза, направляя тончайшую нить своего восприятия не для успокоения, а для... приветствия. Легкого касания ауры.

Артефакт отозвался мгновенно, как будто ждал этого.

Он не запел — он зазвучал. Звук был не из внешнего мира, он рождался прямо в сознании, чистый, как родниковая вода, и невероятно сложный. Это был язык, но не из слов. Из переливов света, запаха утренней росы, шепота листьев, чувства полета и безмятежной радости. Мелодичный, текучий, полный такой легкой, воздушной надежды и вдохновения, что у меня перехватило дыхание.

Это было... поэтично. Не в человеческом понимании, а в самой сути гармонии. Мои волосы, только что угасшие, снова вспыхнули мягким светом, но на этот раз не золотым, а серебристо-жемчужным, и этот свет пульсировал в такт мелодии.

В моем разуме расцветали картины: бескрайние луга под двумя лунами, где трава переливалась всеми оттенками синего и фиолетового; леса из светящихся грибов и деревьев с хрустальной корой; танцующие в воздухе искорки — духи природы. Запах был ошеломляющим — смесь миллионов

неизвестных цветов, свежести после дождя и сладкого нектара.

Реликвия фей. Не просто фей, а Высших, Древних. Часть их мира, их песни. Она не была сломлена. Она была... оторвана. Тосковала по дому, но тоска эта была светлой печалью, а не язвящей болью. Она хранила в себе кусочек того идеального, нетронутого мира.

Я стояла, погруженная в эту благодать, позволяя ей омыть мою уставшую, израненную душу. На мгновение я забыла, где нахожусь. Забыла про корсет, про холод камня, про белые глаза Владыки. Существовала только эта песнь и свет внутри меня.

Шаг. Тихий, но четкий в гулкой тишине зала.

Мелодия в моей голове оборвалась, картины рассеялись. Я резко открыла глаза. Свет в волосах погас, оставив после себя лишь легкое, фосфоресцирующее зарево. В проходе между подиумами стоял Малах. Он не ушел. Он наблюдал. Все это время.

Его лицо было невозможно прочитать. Белые глаза внимательно смотрели то на меня, то на заснувшую снова перламутровую плитку.

— Феи, — произнес он наконец. Констатируя. — Их мир был уничтожен в одной из первых Войн Эпох. Это — один из последних отголосков. Я думал, он мертв.

Он подошел ближе. Его взгляд был пристальным, прони-

зывающим.

— Ты не просто успокаиваешь боль, — сказал он медленно, как бы собирая мысли. — Ты вступаешь в резонанс. Слышишь их истинную суть. Даже ту, что спит. — Он сделал паузу. — Сколько их здесь, зверушка? Сколько из этих «сломанных игрушек» на самом деле просто... спят?

Я отступила на шаг, внезапно осознав, какое знание только что невольно выдали. Я стала опаснее для него. И ценнее. В десятки раз.

— Я... не знаю. Я только коснулась, — пробормотала я.

— Но можешь узнать, — он закончил за меня. В его голосе прозвучала та же холодная, удовлетворенная нота, что и раньше, но теперь в ней была и тень чего-то нового... уважения? Нет, не уважения. Признания силы. Опасной силы, которую нужно держать под контролем. — Кажется, мне придется пересмотреть твой распорядок дня. И уровень допуска.

Он снова протянул руку, но на этот раз не касаясь меня. Он просто указал в сторону выхода.

— Теперь — точно пора. Пока ты не разбудила что-нибудь... неудобное. Или не уснула сама, слившись с песней какого-нибудь слишком очаровательного артефакта.

Его слова были шуткой, но в них не было смеха. Было предупреждение.

На этот раз я послушно пошла за ним, оглядываясь на море молчаливых реликвий. Этот зал был уже не просто складом трофеев. Это был лес спящих душ и я только что показала Всаднику Смерти, что могу с ними разговаривать.

Страх вернулся, но теперь он был другого рода. Не страх боли или насилия. Страх быть использованной. Страх, что мой собственный дар станет цепями, которые прикуют меня к этому месту и этому хозяину навсегда, потому что больше нигде во всех мирах не будет такой «интересной» работы для меня.

Мы молча поднялись из подземелья. Когда мы вышли в знакомые верхние коридоры, он остановился у двери моих покоев.

— Спи, Эль. — Его голос звучал почти мягко, но это была мягкость стали, завернутой в бархат. — Завтра начнется твое настоящее обучение. Ты больше не просто зверушка. Ты — мой смотритель. Моя кладовщица душ. Постарайся быть достойной этой чести.

Он толкнул меня внутрь, и дверь закрылась за моей спиной с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна в роскошной клетке, с головой, полной мелодий фей и теней падших ангелов, и с ледяной уверенностью в одном: побег только что стал в тысячу раз сложнее, потому что теперь у меня была работа и хозяин, кото-

рый знал мне цену.

Глава 11. Обучение

Служанки пришли с первыми лучами утра, проникающими сквозь решетку моего окна. Их лица были бесстрастны, но в глазах Роуз читалась едва уловимая деловитость.

— Владыка требует тебя. Одеваемся.

Я ожидала очередного корсета, очередного тяжелого бархата, но вместо этого они принесли платье из легчайшего шелка цвета пыльной розы. Оно струилось в их руках, как вода и никакого корсета.

Я округлила г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.